

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ПУШКИН

И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

Избранные труды
(1898—1928)

Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

К истории «Зеленой лампы»

Во всех биографиях Пушкина, начиная с «Материалов» Анненкова, рассказывается, более или менее подробно, об участии Пушкина, по выходе из Лицея, в кружке петербургской молодежи, объединившейся в обществе под названием «Зеленая лампа». Но до самого последнего времени шли споры о характере собраний этого кружка, и лишь работа о нем П. Е. Щеголева¹, окончательно отбросив неправильность легенды об «оргиастическом» направлении «Зеленой лампы», определила на основании делопроизводства Следственной комиссии по делу декабристов истинный характер содружества «лампистов» и их интересы. Ознакомление с документами Следственной комиссии и анализ произведений Пушкина, связанных с «Зеленой лампой» и ее членами, дали П. Е. Щеголеву возможность не только высказать «с совершенной достоверностью», что «политический характер по меньшей мере был далеко не чужд общению членов кружка», но и утверждать, что «Зеленая лампа» имела связь с ранним тайным объединением будущих декабристов — «Союзом благоденствия». «Мы лично, — говорит он, — принимаем кружок „Зеленой лампы“ за „вольное общество“ <...> Кружок как бы являлся отображением „Союза“; неведомо для Пушкина, для большинства членов, „Союз“ давал тон, сообщал окраску собраниям „Зеленой лампы“.

Пушкин не был членом „Союза Благоденствия“, не принадлежал ни к одному тайному обществу, но и он в кружке „Зеленой лампы“ испытал на себе организующее влияние Тайного Общества. Этот вывод чрезвычайно важен для истории жизни и творчества Пушкина 1818—1820 годов», — справедливо заключает П. Е. Щеголев, добавляя, что «Зеленая лампа», занимавшая лишь пушкинистов, должна

¹ Щеголев П. Е. «Зеленая лампа» // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 8. С. 19—50.

привлечь внимание и историков русской общественности, как негласное отделение «Союза благоденствия»¹.

Связь «лампы» с «Союзом» была негласная, и о ней знали лишь члены «Союза», да и то, быть может, не все², поэтому внешне главной задачей кружка выставлялось, по показанию самих «лампистов», чтение литературных и, преимущественно, на политические темы произведений. Это «заключение», пишет П. Е. Щеголев, подтверждается и рассказом П. А. Ефремова о протоколах и бумагах «Зеленой лампы», которые ему пришлось видеть у М. И. Семевского. Покойный П. А. неоднократно высказывал пишущему эти строки сожаление, что он не воспользовался в свое время хоть частью этих бумаг. Из этих протоколов и бумаг было видно, что в «Зеленой лампе» читались стихи и прозаические сочинения членов (как, например, Пушкина³ и Дельвига), представлялся постоянный отчет по

¹ Как бытовое и оригинальное явление «Зеленая лампа» заинтересовала покойного писателя-драматурга Ю. Д. Беляева, написавшего пьесу под тем же заглавием; но, к сожалению, она осталась «незаконченной», рукопись ее не сохранилась в архиве Ю. Д. Беляева в Пушкинском Доме и лишь вкратце известно ее содержание по изложению, сообщенному в журнале «Столица и усадьба» (1917. № 77—78. С. 21). В 1915 г. вышла в петроградском издательстве М. И. Семенова 1-я книга литературного сборника «Зеленая лампа» (обещана была и вторая книга), но название это не имеет никакой связи с обществом 1819 г., кроме звука.

² П. Е. Щеголев частично ссылается на известный «Алфавит декабристов» (издан в 1925 г. под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса), в котором упоминаются члены «Зеленой лампы»; по изданию видно, что членами «лампы» отмечены 6: Н. В. Всеволожский, Я. Н. Толстой, Д. Н. Барков, А. Д. Улыбышев, бар. А. А. Дельвиг и А. Г. Родзянко; как члены «Союза благоденствия» из «лампистов» поименованы в нем 5: Я. Н. Толстой, П. П. Каверин, кн. С. П. Трубецкой, Ф. Н. Глинка и А. А. Токарев; из числа 21 «ламписта» в «Алфавит» вошли 11 человек: Н. В. Всеволожский, Я. Н. Толстой, Д. Н. Барков, П. П. Каверин, кн. С. П. Трубецкой, А. Д. Улыбышев, бар. А. А. Дельвиг, А. Г. Родзянко, Ф. Н. Глинка, А. А. Токарев и А. И. Якубович. В личных отношениях с Пушкиным из числа 20 (кроме самого поэта) членов «лампы» были 13: Н. В. Всеволожский (ему есть стихи и письмо Пушкина), Я. Н. Толстой (стихи и письмо), М. А. Щербинин (стихи), Ф. Ф. Юрьев (стихи), П. П. Каверин (стихи и письмо), П. Б. Мансуров (стихи и письмо), В. В. Энгельгардт (стихи), Л. С. Пушкин (?), бар. А. А. Дельвиг (стихи и письмо), А. Г. Родзянко (стихи и письмо), Ф. Н. Глинка (стихи и письмо), Н. И. Гнедич (стихи и письмо), Д. Н. Барков (стихи); не дошло таких следов личных отношений Пушкина с 7 «лампистами»: А. В. Всеволожским, А. И. Якубовичем, кн. С. П. Трубецким, А. Д. Улыбышевым, И. Е. Жадовским, рано умершим А. А. Токаревым и кн. Д. И. Долгоруковым*.

³ Как увидим ниже, указаний на чтение произведений Пушкина в бумагах этих нет**.

театру (Д. Н. Барковым), были даже читаны обширные очерки самого Всеволожского из русской истории, составленные не по Каграмзину, а по летописям¹. «В этих протоколах, — продолжает П. А. Ефремов, — я видел указание на чтение стихотворения бар. Дельвига: „Мальчик, солнце встретить должно“, неоднократно приписывавшееся Пушкину, и тут же приложено было и самое стихотворение, написанное рукою барона и с его подписью»². Приведя сообщение Ефремова о бумагах «Зеленой лампы», П. Е. Щеголев задавал вопрос: «Найдутся ли они?» и писал: «Я слышал от С. А. Панчулидзева, что в Рябове, имении Всеволожского, хранился в последнее время архив „Зеленой лампы“. Но после смерти владелицы я обращался к ее наследнику, г. Всеволожскому, но он сообщил мне, что тоже слышал об этих бумагах, но ровно ничего в Рябове уже не нашел».

Не можем ничего сказать о судьбе Рябовского архива, и существовал ли он вообще; что же касается бумаг, виденных П. А. Ефремовым у М. И. Семевского, то они (или, вернее, часть их — без протоколов) теперь разыскались — в остатках архива редакции «Русской старины», приобретенных Пушкинским Домом у покойного последнего редактора этого журнала — П. Н. Воронова³; описание их и ознакомление с ними читателя и составит содержание настоящего нашего очерка, из которого окончательно и с полной ясностью определится круг деятельности и интересов членов кружка «Зеленая лампа».

Дадим, прежде всего, полистное описание бумаг, которое сразу ознакомит нас с составом их. Отдельных бумаг всего 41; заключены они в обложку из сине-голубой писчей бумаги с водяным знаком

¹ Из дальнейшего увидим, что это утверждение также неверно.

² *Пушкин А. С.* Соч. СПб., 1905. Т. 8. С. 135. Об этом же Ефремов писал и в своей заметке «Опять мнимое стихотворение А. С. Пушкина», говоря, что у него в руках были (в 1880-х гг.) бумаги общества «Зеленой лампы», а в них собственноручная рукопись стихотворения «Мальчик, солнце встретить должно...» и *протокол* общества, где прямо было указано, что Дельвиг сообщил обществу новое свое произведение «Мальчик, солнце» и пр. (Новое время. 1901. № 9198. 12 окт.). О бумагах общества «Зеленой лампы» Ефремов упоминал не раз и раньше, — например, в изданиях сочинений Пушкина под своей редакцией, изд. 1880 г., т. 1, с. 540 и 541 и изд. 1882 г. (Анского), т. 1, с. 501 и 507.

³ Что это те самые бумаги, которые некогда пересматривал Ефремов, видно из карандашных собственноручных пометок его, сохранившихся на некоторых рукописях.

1824 г., с надписью, посередине, чернилами: «Бумаги О. З. Л.», причем в правом верхнем углу помета, чернилами же: «22 заседания» и тут же — карандашная отметка инвентаря редакции «Русской старины»: «№ 2087». Из листка при пакете видно, от кого и когда бумаги поступили в редакцию: «Опочинин, Федор Конст. (СПБ) 2 Февраля 1876 г. Сочинения в стихах и прозе членов литературного Общества „Зеленой лампы“ в начале XIX века»¹. Внутри обложки бумаги (некоторые из них сильно попорчены тлением), по-видимому, перепутаны и лежат в случайной последовательности, причем, ввиду отсутствия на них дат², не представляется возможным определить действительную их последовательность*. Мы описываем их в том порядке, в котором нашли их в архиве «Русской старины».

Л. 1: Обложка.

Л. 2—3: Стих. «Задача» (начало: «Люблю веселость, шум, забавы...») <Я. Н. Толстого>; на бумаге с водяным знаком: А. Гончаров 1818 г.; автограф³. Почти дословно тот же текст — в книге: «Мое праздное время, или собрание некоторых стихотворений Якова Толстого», Санкт-Петербург, 1821 (цензурой дозв. 30 апреля 1821), 8°, стр. 96—100.

Л. 4: Стих. «Блеск очей» (зачеркнуто: «Вольный перевод с польского) (нач.: «Приятно алых зорь мерцанье...»), с подп. Ф. Гл. <Ф. Н. Глинка>; автограф; на бумаге с водяным знаком 1815 г.; сбоку, слева, его пометы: «Сегодня предложить: 1) в почетные В. С. Филимон<ов>а. 2) В корреспонденты А. А. Ивановского»; справа — помета, карандашом, рукою *Андрея Афанасьевича Никитина*: «Ред. Общ. Одобрено. Никитин»; посередине — № 67 и дата: «1 Апреля 1818». Все эти пометы относятся к заседанию С.-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности, в котором Владимир Сергеевич Филимонов и Андрей Андреевич Ивановский как раз с 1818 г. появляются в указанных званиях по-

¹ В подлинном инвентаре (ныне в Пушкинском Доме), под № 2087, то же определение, с пометою сбоку рукою М. И. Семевского: «Не имеет ни малейшего интереса. Копии находятся у П. А. Ефремова»; часть этих копий, очевидно возвращенных Ефремовым, донныне сохранилась при оригиналах.

² Стоящие на некоторых бумагах номера (чернилами и карандашом) не дают возможности установить их порядок.

³ Большинство рукописей — без подписей авторов, но многие нам удалось определить по почеркам; в этих случаях имена авторов мы приводим в угловых скобках.

четного члена и корреспондента (Месяцеслов на 1819 г. Ч. I. С. 706 и 707).

Л. 5—6: «Репертуар» с 20 апреля по 24 апреля и с 28 апреля по 2 мая 1819 г. <Д. Н. Баркова>; автограф; на бумаге с водяным знаком 1810 г.; на обороте: «Недельный Репертуар от чл. Баркова».

Л. 7—8: то же, за 18—28 мая 1819 г.; автограф; на такой же бумаге.

Л. 9: Перечень книг по истории, литературе и пр. <писан рукою кн. Сергея Петровича Трубецкого>; автограф; на бумаге с водяным знаком 1817 г.

Л. 10: «Опыт сравнения Расина с Вольтером» <Д. Н. Баркова>; автограф; на бумаге с водяным знаком 1810 г.

Л. 11—14: Статья (без заглавия) о Козьме Минине <Я. Н. Толстого>; автограф; водяной знак 1818 г.

Л. 15—21: «Conversation entre Bonaparte et un voyageur anglais»; неизвестного автора и неизвестным же почерком; на бумаге с водяным знаком 1817 г., — *такой же, как у Трубецкого* (л. 9).

Л. 22: «Басня Орел и Улитка» <Н. В. Всеволожского>*; автограф; на бумаге с водяным знаком 1816 г.

Л. 23—24: «Жизнь князя Игоря» <Н. В. Всеволожского>; на бумаге с водяным знаком 1816 г.

Л. 25: Стих. «Шаррада», неизвестного автора** и неизвестным почерком, на бумаге с водяным знаком 1818 г.; при копии этой шарады, в копии 1870—1880-х гг., — статья «Lettre à un ami d'Allemagne sur les sociétés de Pétersbourg».

Л. 26: «Размышление при смерти г-на Б-ва», с подписью: «К. Дмитрий Долгорукой»; автограф кн. Д. И. Долгорукова; на бумаге с водяным знаком 1818 г.

Л. 27—28: Стих. «Фанни. — Члена Дельвига»; писано рукою А. Д. Илличевского; на бумаге с водяным знаком 18... г.; на обороте — им же писанное другое стихотворение: «К мальчику. Члена Дельвига». В третьем с конца стихе:

[Грезами] наполнив грудь —

слово *Грезами* перечеркнуто другими, рыжими чернилами и над ним, почерком *Пушкина*, теми же рыжими чернилами, написано: *Бахусом*, т. е.

Бахусом наполнив грудь, —

как и читается во всех изданиях сочинений Дельвига. Над заглавием, сбоку, карандашом, пометы П. А. Ефремова: «Смирд. стр. 107» и «м... Пушкина у Геннади». На стр. 3 и 4 — карандашные ри-сунки мужских пяти голов и двух голых тел (сзади и сбоку), очень напо-минающие по технике известные наброски-рисунки Пушкина*. На стр. 4 чернилами написано неизвестной рукой (может быть Н. В. Всеволожского): «Третие заседание 17 апреля 1819. Председа-тельство члена Улыбышева».

Л. 29—30: Стих. «Завещание» <Я. Н. Толстого>; автограф; на бу-маге с водяным знаком 1816 г; вошло в книжку Я. Н. Толстого «Мое праздное время», стр. 104—108. Из автографа выясняется, кто имеется в виду под шестью точками стиха печатного издания (стр. 106): в рукописи прямо сказано —

О Момий наших дней,
Никита Стукодей, —

а отсюда следует, что весь данный отрывок этого стихотворения от-носится к Никите Всеволожскому и к «Зеленой лампе» с ее «сынами забавы»:

Простите, Нимфы юны,
Прелестницы мои.
Беседы коловратны,
Напитки ароматны,
Шампанского струи;
И ты, о чудо наше!
О Момий наших дней,
Н... Стукодей!¹
Твоей огромной чаше
Поклон в последний раз...
.....
...шампанской ящик
Послужит гробом мне!
Не звоны колокольны,
Но рюмок громкий стук,
Нет, строи сердобольны
Не надобны вокруг:
Там факел погребальный

¹ Стукодей — действующее лицо, выведенное в стихотворении В. Л. Пушкина 1798 г. «Вечер» и в «Послании к стихам моим» Батюшкова, 1804 (см.: *Батюш-ков К. Н. Соч. / Под ред. Л. Н. Майкова. СПб., 1887. Т. 1. С. 7, 305.*

Горящий будет ром;
Трикраты ковш прощальный
Обыдет нас кругом... и т. д.

На обороте л. 30 почерком Н. В. Всеволожского (?) написано: «Au membre P. Dolgorouky».

Л. 31: «Романс — члена *К. Долгорукова*» <Дмитрия Ивановича>; автограф.

Л. 32: Стих «Послание к Д. Н. Философову» <*Я. Н. Толстого*>; автограф; на бумаге с водяным знаком 1818 г.; вошло в книжку Я. Н. Толстого «Мое праздное время», стр. 33—34.

Л. 33: «Жизнь Ушмовиц»; писано рукою *Н. В. Всеволожского*; на бумаге с водяным знаком 1817 г.

Л. 34—35: «Жизнь Оскольда или Аскольда и Дира»; писано рукою *Н. В. Всеволожского*; на бумаге с водяным знаком 1817 г.

Л. 36: Стих. без заглавия (начало: «Тебе хвала и честь и ревностно куренье...») <*Токарева Александра Андреевича*>; автограф, на бумаге без года.

Л. 37: Хронологический «Список знаменитым людям Российского Государства» — князьям, боярам и епископам, до XII в. вкл.; писан рукою *Я. Н. Толстого* и составлен по I тому Карамзина. (Начало его см. ниже, на л. 77—78). На бумаге с водяным знаком 1818 г.

Л. 38—39: Стих. «Дафна», бар. *А. А. Дельвига*; писано рукою поэта *Е. А. Боратынского*, но подписано самим Дельвигом. На обороте л. 39-го, рукою Боратынского же, надписано: «A Monsieur Monsieur de Vsevolodsky» и сгладившаяся печать; бумага с водяным знаком (18)16 года.

Л. 40—41: Стих. «Элегия» (нач.: «Как былие, в полях сраженно...») <*Я. Н. Толстого*>; автограф; на бумаге А. Гончарова 1818 г.; вошло в его сборник «Мое праздное время», стр. 70—73, с заглавием: «Сетование, во время болезни» и с прямым упоминанием, в рукописи, в стихе 10-м с конца, — «Зеленой лампы» — вместо «Пресветлой лампы» печатного текста.

Л. 42—43: Стих. «Послание к другу», за подписью: X.; неизвестного автора и неизвестным почерком (не *Загоскина* ли Михаила Николаевича?); на бумаге с водяным знаком 1817 г.

Л. 44—47: «Олег Правитель»; писано писарем, но скреплено подписью *Н. В. Всеволожского*: «Сочинял Никита Всеволожской» и с его поправками и приписками; на бумаге без водяных знаков.

Л. 48—51: Статья, без заглавия, о Святославе I Игоревиче; писано рукою *Я. Н. Толстого*; помета карандашом, «13 заседание»; на бумаге с водяным знаком 1817 г.

Л. 52: Басня «Быль», *Д. Н. Баркова*, с подписью: «Барков»; автограф; на бумаге без водных знаков.

Л. 53: Басня «Таракан Ритор» <*Я. Н. Толстого**>; автограф; без водяных знаков.

Л. 54: Стих. «Приговор букве ъ», *Д. Н. Баркова*, с подписью: «Барков»; автограф; на бумаге с водяным знаком (18)18 г.

Л. 55: «Жизнь актера Волкова» <*Д. Н. Баркова*>; автограф; на бумаге с водяным знаком 1814 г.

Л. 56—62: «Жизнь Великого князя Владимира»; писано *Н. В. Всеволожским*; на бумаге с водяным знаком 1817 г.

Л. 63—68: «Un Rêve» — статья на французском языке, писанная неизвестным почерком — тем же, что указанная выше (л. 15—21) статья: «Conversation entre Bonaparte et un voyageur anglais»; помета в углу карандашом: «13 заседан.»; на бумаге водяные знаки: «Я. Б. М. Я. 1817».

Л. 69—70: Стих. «К Емельяновке» <*Я. Н. Толстого*>; автограф; на бумаге без года; вошло в сборник *Я. Н. Толстого*: «Мое праздное время», стр. 63—65, с некоторыми изменениями.

Л. 71—72: Стих. «Послание к А. С. Пушкину» <*Я. Н. Толстого*>; автограф, на бумаге с водяным знаком 1814 г.; вошло в сборник *Я. Н. Толстого* «Мое праздное время», стр. 48—51, с некоторыми изменениями.

Л. 73: «Жизнь Рогнеды» <*Н. В. Всеволожского*>; автограф, на бумаге с водяным знаком 1817 г.

Л. 74—75: «Жизнь Ярополка» <*Н. В. Всеволожского*>; автограф; на бумаге с водяным знаком 1817 г.

Л. 76: Стих. «К Ветерану ***» <*Я. Н. Толстого***>; автограф; на бумаге без года; с чьими-то поправками.

Л. 77—78: «Список знаменитым людям Российского Государства» — от призвания варягов до XII в. включительно — <*Я. Н. Толстого*>; начало того списка, который описан выше, на л. 37.

Л. 79: «Сонет на тленность земных вещей» *А. А. Токарева*; автограф, на бумаге без года, с подписью: «А. А. Токарев».

Л. 80: Стих. «Юной красавице, с французского, подражание Парни», с пометой карандашом: «Члена Толстого», т. е. *Я. Н. Толс-*

того; автограф, на бумаге без года; вошло в сборник его «Мое праздное время», стр. 82—84.

Л. 81: Стих. с оторванным заглавием и началом 1-го стиха, писано неизвестной рукой, на бумаге с водяным знаком 1817 г., с авторскими поправками:

[Бог Солнца?] часто оставляет
Свой двухолмистый Геликон...*

* * *

Из приведенного описания и из ознакомления с самым материалом можно сделать несколько небезынтесных выводов о «Зеленой лампе». Прежде всего — относительно ее личного состава. До сих пор было известно двадцать членов кружка¹; теперь мы можем прибавить к ним еще одного участника «Зеленой лампы», и притом активного, — князя Дмитрия Ивановича Долгорукова. Четвертый сын известного поэта и автора обширных замечательных «Записок и воспоминаний кн. Ивана Михайловича Долгорукова» (род. 1764, ум. 1823)², он родился 10 августа 1797 г., воспитывался дома, а службу начал 19 января 1816 г. канцеляристом в Московском губернском правлении; затем 11 июня 1817 г. перешел, в том же звании, в канцелярию Департамента государственных имуществ (тогда — в составе Министерства финансов), а 2 июня 1819 г. перевелся в ведомство Коллегии иностранных дел. В годы службы своей в Петербурге Долгоруков, естественно, вращался в кругу тогдашней великосветской молодежи и легко попал в кружок «Зеленой лампы», о принадлежности своей к которой он оставил собственное показание: в 1826 г., по поводу дошедших до него в Рим (где он тогда служил при нашем посольстве) слухов о разысканиях Следственной комиссии по делу декабристов, он писал своему брату: «Знаешь, что в Петербурге не

¹ См.: Щеголев П. Е. «Зеленая лампа» // Пушкин и его современники. Вып. 8. С. 34; ср., однако, в конце этой статьи, в примечании, наши оговорки об А. И. Якубовиче и Льве С. Пушкине.

² О нем см. нашу статью в «Русском биографическом словаре» (СПб., 1905. Т. [6]: Дабелов — Дядьковский. С. 537—541); его записки «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни» и т. д. были изданы отдельно в Петрограде в 1916 г. (подлинная их рукопись — ныне в Пушкинском Доме), а в 1919 г. М. и С. Сабашниковыми был выпущен, в серии «Пушкинской библиотеки», «Изборник»: «Кн. Иван Михайлович Долгорукий», в который вошли избранные стихотворения князя и остроумный «Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года».

на шутку разыскивают общество „Зеленой лампы“, членом которого я состоял семь лет тому назад» (письмо от 9 апреля 1826 г.), причем прибавлял: «Это потому, что и Трубецкой был членом этого общества»¹. Как видим, Долгоруков определял время своего пребывания в кружке 1819 г., к которому относятся и наши бумаги; в них находятся два его собственноручно писанных стихотворения: «Размышление при смерти г-на Б-ва» и «Романс» — пиесы весьма невысокого качества, свидетельствующие лишь о любви автора — несомненно наследственной — к стихотворным упражнениям: обе они переносят нас к образцам еще XVIII в. и служат доказательством того, что сын вырос на чтении произведений своего отца, Нелединского-Мелецкого и других поэтов того же типа, но еще неискусен в стихотворчестве и пользуется старыми образцами; читать его стихи рядом с такими произведениями, как оглашавшиеся в «собраниях» «Зеленой лампы» стихотворения Дельвига и, вероятно, Пушкина, просто досадно. Приведем здесь «Романс» Долгорукова: он все же лучше его бледного, риторического «Размышления».

РОМАНС

Не шути, мой ангел милой, —
 Век недолог для меня;
 Он не будет там унылой,
 Где с тобой увижусь я.

Быстро в горести жестокой
 В жизни сей часы летят
 И в земле сырой, глубокой
 Мертвые спокойно спят.

Там все горести земные
 Для меня угаснут вдруг,
 Там кружатся сны младые, —
 Не жалея меня, мой друг!

Кто с печалью сдружился,
 Для того сей в тягость свет;
 Кто несчастливим родился —
 Для того надежды нет.

Я умру для жизни новой
 С образом твоим в очах,

¹ Русский архив. 1915. № 3. С. 394.

Сброшу бедствия оковы
С именем твоим в устах.

К. Долгорукой

Между тем Долгоруков считал себя «поэтом в глубине души»¹ и был человек с несомненным изящным вкусом и с большим и широким образованием: об этом наглядно свидетельствуют хотя бы его письма к отцу и к брату из Константинополя, Турина, Неаполя, Рима, Флоренции, Мадрида и других городов, в которых в 1820—1826 гг. ему приходилось бывать по службе при наших миссиях и посольствах; письма его живы, разносторонни, остроумны, в высокой степени литературны и читаются и теперь еще с большим интересом²; в некоторые письма включены описания осмотренных Долгоруковым замечательных местностей и зданий; иногда внесены в них и стихи, — например, «Камин» (Рим, 1822)³, «Видение при Тивольском водопаде. Посвящено М. А. Нарышкиной, во время пребывания ее в Риме» (1822)⁴, «Михайле А. Дмитриеву» (Мадрид. 1826)⁵... Занятий стихотворством он не оставлял и впоследствии, в течение всей своей жизни и службы — в Лондоне, Гааге, Неаполе, снова в Константинополе и, наконец, в Тегеране, где он был с 11 июня 1845 г. до 20 марта 1854 г. посланником; 23 марта 1854 г. он был назначен сенатором в московские департаменты Сената и умер в Москве 19 октября 1867 г. В 1857 и 1859 гг. Долгоруков издал два сборничка своих стихотворений, под заглавием «Звуки»; в них вошло: в первое издание (выпущенное без имени автора, *не для продажи и в весьма ограниченном количестве экземпляров*)⁶ — тридцать три пьесы, а во второе (уже с именем автора) — те же пьесы, но с прибавлением двадцати шести новых, — всего пятьдесят девять. Эти произведения, на разнообразные темы («Москва», «Завещание», «Отчий дом», «Детство», «Четыре времени года», «Мечты», послания

¹ Русский архив. 1914. № 3. С. 359.

² Они напечатаны в «Русском архиве» (1914. № 3, 4, 5, 6—7, 11, 12; 1915. № 1, 2, 3.

³ Русский архив. 1914. № 6—7. С. 213—215.

⁴ Там же. С. 237—239.

⁵ Там же. С. 255—257. Заметим, что в журнале «Новости литературы» (1822. № 11. С. 175—176) было напечатано еще стихотворение кн. Д. И. Долгорукова «Желания».

⁶ О чем свидетельствует надпись М. Н. Лонгинова на его экземпляре «Звуков», ныне в библиотеке Пушкинского Дома; кроме «Звуков» есть еще изданное отдельно брошюрою стихотворение Долгорукова «Дроново» (М., 1859), с посвящением Федору Никаноровичу Хитрову.

к разным лицам и т. п.), по технике несколько выше ранних опытов Долгорукова, не лишены и чувства, и мысли, но все же не возвышаются над скромною посредственностью. Эпиграфом к своим книжкам Долгоруков поставил слова:

Пою не по наследству лиры,
Но муз, без спроса их, любя, —

а в виде вступления или предисловия привел стихи свои:

Зачем писал я? Это знает
Мой демон. По словам Платона,
У каждого из нас есть свой:
Кто любит женщин; кто охотник
За картами губить свой век.
Мне милы гордые Камены
И сладок лир волшебный звук.

Автобиографических черт в стихотворениях Долгорукова мало, хотя есть кое-какие воспоминания об отце, о детстве; о Пушкине Долгоруков не обмолвился в своих стихах нигде ни словом; а между тем он был с ним знаком довольно близко, по крайней мере поэт однажды вспомнил о нем в письме к С. И. Тургеневу, константинопольскому сослуживцу Долгорукова, — от 21 августа 1821 г., из Кишинева: здесь Пушкин тогда встречался со старшим братом Долгорукова, князем Павлом Ивановичем Долгоруковым, служившим в 1821—1822 гг. в Кишиневе¹ членом Попечительного комитета о колонистах Южного края России, председателем которого и в то же время главным попечителем был известный И. Н. Инзов².

Из других членов «лампы» мы узнаем нечто новое об А. А. Токареве³, — деятельном члене «Союза благоденствия», умершем в 1821 г., — а именно, знакомимся с двумя его стихотворениями: шутливую похвальною одою табаку и «Сонетом на тленность земных вещей»; обе пьесы — сатирического содержания и свидетельствуют о том, что

¹ Русский архив. 1914. № 4. С. 479; № 6—7. С. 211.

² Месяцеслов на 1822 г. Ч. I. С. 329; с ним, вероятно, Пушкин посылал однажды, 4 сентября 1822 г., письмо к брату из Кишинева в Петербург (*Пушкин А. С. Письма* / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Л., 1926. Т. 1. С. 35); о нем см.: *Власьев Г. А. Потомство Рюрика*. СПб., 1907. Т. 1. Ч. 3. С. 144—145; *Вигель Ф. Ф. Записки*. М., 1893. Ч. 7. Третий брат — кн. Александр Иванович Долгоруков — тоже был поэтом; его стихи изданы в Москве в 1840 г.

³ См.: *Алфавит декабристов* / Под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925. С. 185, 420.

автор недурно владел стихом (его сонет написан вполне правильно) и был человеком, не лишенным остроумия. Вот эти стихотворения:

I

Тебе хвала и честь и ревностно куренье:
Тебе я приношу сие стихотворенье,
О сладкий аромат, о благовонный знак,
От скуки верный щит, возлюбленный табак!
 Расти и процветай; плодись и умножайся;
 Крошися в картузы; в сигары завивайся,
 Во трубках без числа как Вестин огонь пылай
 И облаком густым до потолка взлетай.
Желает славы сей, достойно заслуженной,
Тебе любитель твой, тобою восхищенной.
И в самом деле: что невинней может быть,
Приятнее для нас забавы сей — курить?
 Любовь, сокровища, вино и жажда славы
 Давали тысяче рождение бедам,
 Ввергали в горести и развращали нравы, —
 Табак же никогда не делал зла людям.
Что, если б смертные от скуки и печали
Не к картам, не к вину, но к трубкам прибегали, —
От скольких ссор и слез, от скольких лютых бед
Премудрым средством сим избавлен был бы свет!
 Антитабашницы, несправедливо злые,
 О слабые носы, о головы больные!
 Умолкните же вы, не смейте порицать
 Ту вещь, которую мир должен уважать.
Расти ж, цветы, табак, плодись и умножайся,
Крошися в картузы, в сигары завивайся,
Во трубках без числа как Вестин огонь пылай
И дымным облаком до потолка взлетай!

II

СОНЕТ НА ТЛЕННОСТЬ ЗЕМНЫХ ВЕЩЕЙ

Гробницы гордые Египетских царей,
Колосс, до облаков касавшийся главою,
Дедалов лабиринт, бесценный мавзолей,
Сады, висевшие над чудною стеною.
Эфесский дивный храм, огромный Колизей,
Гигантский, грозный конь, в погибель ввергший Трою
Родивши целу рать утробою своей!

Свидетельствуете вы власть времен собою!
 И ваши устоять твердыни не могли,
 Попрали веки вас и ветры разнесли:
 Сатурну все должно на свете покоряться...
 Коль мира ж чудеса как сельный гибли злак,
 То мне возможно ли роптать и удивляться,
 Что продрался и мой на локте старый фрак!

Узнаем мы и характер упражнений в «Зеленой лампе» Н. В. Всеволожского, главного деятеля кружка, дававшего ему приют в своем богатом доме и щедро угощавшего своих друзей после заседаний. Вопреки приведенному выше указанию П. А. Ефремова, будто бы Всеволожский читал в собраниях кружка свои *обширные* очерки из русской истории, составленные не по Карамзину, а по *летописям*, — мы видим теперь, что это были вовсе не *обширные очерки*, а *лишь краткие компиляции* ученического типа, составленные не по летописям, а именно и лишь по «Истории государства Российского» Карамзина; только статеечки об Яне Усмошвце и о Козьме Минине скомпилированы из каких-то других книг*. Так, по сличению с текстом «Истории» Карамзина, оказывается, что очерк «Аскольд и Дир» почти дословно, с некоторыми лишь сокращениями, выписан из глав 4 и 5 тома I «Истории»; «Олег» — из главы 5 (есть прямая ссылка на Карамзина), «Святослав Игоревич» — из главы 7, опять-таки со ссылкой на Карамзина; «Жизнь в. к. Владимира» — из главы 9; «Жизнь Рогнеды» — из главы 8; «Жизнь Ярополка» — оттуда же; «Жизнь князя Игоря» — из главы 6; наконец, «Список знаменитым людям Российского Государства» составлен, несомненно, также лишь по I и II томама «Истории» Карамзина. По ничтожеству этих статей мы не приводим здесь ни одной из них, предпочитая сообщить единственный *стихотворный* опыт Всеволожского, сохранившийся в бумагах «Зеленой лампы», так как о деятельности Всеволожского, как стихотворца, до сих пор ничего не было известно. Вот его басня «Орел и Улитка», не лишенная некоторых либеральных ноток и политического оттенка:

ОРЕЛ И УЛИТКА

Сидевши дуба на вершине,
 Пернатых царь Орел,
 Не знаю по какой причине
 Собрать совет свой повелел.
 Но в том и нужды нет для нас.

Войну ль Орел предпринимает,
 Иль с Министерством в добрый час
 Ворон и Кречетов сгоняет.
 Но вот совет собрался
 И каждой потакать Царю Орлу старался
 (Читатель всякой знает сам,
 Что кто ж не льстит своим царям?)
 Не знаю, что в совете трактовали:
 Иль соколов за храбрость награждали,
 Иль разоренным от стрелков,
 Лишенным гнезд, детей, отцов
 По силе помощь подавали,
 Иль подати со птиц несчастных убавляли, —
 Для басни нужды много нет,
 Воздушный делал что совет.
 Но вот Орел, имея зоркий взгляд,
 С вельможами другими в ряд,
 Улитку под листом увидел близь себя:
 «Как бог занес тебя?»
 Спросил ее пернатых Царь;
 «Зачем ты здесь и что за тварь?»
 — Из пресмыкающих я, жительница тины.
 «Но как могла дойти ты дуба до вершины?»
 А та в ответ Царю дала:
 Я доползла. —
 Нередко и с людьми примеры те ж бывают,
 Что многие ползком к вершине доползают.

Затем выясняется характер участия в заседаниях «Зеленой лампы» Дмитрия Николаевича Баркова¹. Страстный театрал, сам переводчик

¹ О нем см.: Алфавит декабристов. С. 48, 60 и 273; П. Н. Арапов в своей «Летописи русского театра» (СПб., 1861. С. 246) так говорит о нем: «Дм. Ник. Барков, в то время поручик лейб-гвардии Егерского полка, был умный и образованный человек; он много трудился для театра, переводил большую часть оперы для Нимф. Сем. Семеновой, которая была прелестна везде, где требовались прижество, грация, наивность и ловкость; голос у ней был небольшой, но весьма симпатичный». В своих заметках Барков неоднократно упоминает о Н. С. Семеновой и об ее сестре, Екатерине Семеновне, знаменитой драматической актрисе. На близость Баркова к Н. С. Семеновой есть указания в эпиграмме, приписываемой Пушкину (см.: *Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 559*):

Желал бы быть твоим, Семенова, покровом
 Или собачкою постельною твоей —
 Или поручиком Барковым, —
 Ах он, поручик! ах, злодей!

для театра, он, как правильно сообщил еще П. А. Ефремов, в заседаниях «ламп» обнаружил интерес исключительно к театру, делая доклады о спектаклях на петербургских сценах — драматической и оперной. К сожалению, в сохранившихся бумагах «ламп» оказалось лишь три кратких сообщения Баркова — о репертуаре за части апреля и мая 1819 г. Мы приводим их здесь полностью, как образец несложных суждений и отзывов тогдашнего типичного любителя-театрала о злободневных событиях сцены, о пьесах и об игре актеров. Сопоставление данных статьи Баркова с «Летописью Русского театра» П. Н. Арапова (с. 274—276) и особенно с подробными и точными репертуарными записями А. В. Каратыгина за 1819 г., хранящимися ныне в Пушкинском Доме (в собрании архива «Русской старины»^{*}), показывает, что первая заметка Баркова касается репертуара с 20 по 24 апреля, вторая — с 28 апреля по 2 мая, а третья — с 18 по 28 мая 1819 г.

Вот эти записи.

I

РЕПЕРТУАР

Воскресенье <20 апреля 1819 года>¹. *Скупой*. Комедия в 5 действиях Мольера.

Содержание и красоты сей пьесы известны всем. Прекрасная и трудная роль Гарпагона сыграна г-м Величкиным лучше, нежели можно было ожидать. Жаль, что сей актер, имеющий много способностей для ролей гримов, не может расстаться с любимыми своими ролями шутов и дураков; дурной вкус и невежество, без сомнения, тому причиною, и потому я нахожу, что он менее виноват, нежели его начальники, которые не заставляют его поумнеть.

Цыганской табор. Сбор разных песен и плясок, довольно дурно устроенный. Несравненная наша танцовщица г-жа Колосова, скрасила цыганской табор прелестной русской пляской и помирила нас с сим бенефисным уродом.

Понедельник. <21 апреля>. *Водовоз*. Опера в 3-х действиях. Музыка Херубини.

Трудная и прелестная музыка сей оперы много обезображена нашими певцами. Вообще вся опера (кроме г. Самойлова) играна дурно. Нельзя без смеху слышать, что г-жу Сандунову называют 18-летней Маркелинушкой.

¹ В угловых скобках помещаем наши дополнительные данные, уточняющие записи Баркова.

Вторник. <22 апреля>. Притворная неверность. Комедия в 1-м действии, перевод с французского Грибоедова и Жандра. *Молодые супруги.* Комедия в 1-м действии, подражание французскому г-на Грибоедова, и *Пурсоньяк*, водевиль в 1-м действии. Первые две пьесы давно известны: «Притворная неверность» переведена и играна прекрасно, кроме г-на Рамазанова, который довольно дурно понял свою роль. «Молодые супруги», подражание французскому «*Secret de Ménage*», имеет очень много достоинства по простому, естественному ходу, хорошему тону и многим истинно комическим сценам, — жаль, что она обезображена многими очень дурными стихами. Г-жа Колосова-меньшая занимала во 2-й раз роль Эльвиры и восхищала своей прелестной, непринужденной игрой. Казалось, она забыла, что была на сцене. Г-н Сосницкой ролью Ариста давно заслуживает всеобщую похвалу.

«Пурсоньяка» в новом виде (переведен с французского К<нязем> Ш<аховским>) играли во 2-й раз. — Вот его содержание: полковник Суражев, командир гусарского полка, выдает дочь свою, немножко ветреную, но добрую и милую девушку, за сына своего приятеля Евтиха Гурыча Хрустилина — Евграфа Евтихыча; они видали будущего своего зятя еще ребенком, а Любушка никогда его не видала. Двое из офицеров влюблены в Любушку, — и все без исключения ее любят за доброту и любезность, и потому они ни за что не хотят с нею расстаться и сговорились выдать ее за адъютанта Аслова (?)... а жениха, которого страшное имя не обещает ничего, кроме деревенского олуха, одурачить, как Пурсоньяка Фалалея и... отправить обратно в Рьльск. Поджидая скорого прибытия Хрустилина — жениха, они отправились все наряжаться и поручили Марусе, Любушкиной крестнице, принять жениха, если он между тем придет. Хрустилин приезжает; вместо деревенского олуха Маруся видит прекрасного мужчину в гусарском мундире и потому принимает его за гостя, которого офицеры ожидают из Москвы, и рассказывает ему про все проказы, которые против него затеяли. Хрустилин желает отомстить честь Рьльского помещика; Хрустилин притворился в самом деле дураком и в сем виде напугал до смерти Фитюлькина, хозяина дома, где штаб-квартира, поссорил его с женой, которая взялась играть роль оставленной любовницы из Пурсоньяка, — одурачил всех затейников, вскружил голову Любушке и открылся ей прежде всех, что он не тот, кем кажется. Наконец все дело открылось, и Хрустилин, на зло целому полку — женился на Любушке. Роль Хрустилина играл г-н Сосницкий очень хорошо, нельзя было не удивляться ему в этот день — он играл в 1-й раз три совершенно различные роли и все выдержал как нельзя лучше. Актриса, игравшая роль Любушки, и дурной выбор музыки много портят этот прекрасный водевиль. — Сцена Любушки с Марусей (которая также играла и пела незавидно) слишком длинна или по крайней мере кажется таковою от двух скучных и дурно петых романсов, — это же (?) много холодит пьесу. Г-да гусары много без пользы кричат и не знают своих ролей.

Желательно, чтобы все эти недостатки были исправлены — тогда водевиль много выиграет.

Среда <23 апреля>. *Ромео и Юлия*. Опера в 3-х действиях.

Это одна из немногих опер, которые идут на нашем театре хорошо. — Г. Самойлов в роли Ромео бесподобен. Г-жа Семенова, не будучи большой певицей, поет довольно приятно и украшает роль Юлии прелестной игрой и наружностью — Капулет мог бы быть лучше. Прочие роли незначущи.

Четверг. <24 апреля>. *Суицид бес, или Вдруг три свадьбы*. Комедия в 5 действиях. Соч. Коцебу.

На немецком языке она названа «Пажеские шутки». — Министру полиции¹ показалось неблагопристойно выводить пажа писцом и потому в силу данной ему неограниченной власти, перекрестил его в студента. — И так, этот студент, или паж, приезжает в каникулы в отпуск к своему дяде и опекуну и бесится разным образом. У дяди есть три взрослые дочери, у каждой есть по жениху — и все поручики; студент, приехав, вскружил сестрицам головы, и они отказали бедным поручикам.

II

Понедельник. <28 апреля>. *Весталка*.

Г-жа Семенова превзошла всеобщее ожидание в роли Юлии — даже пела лучше, нежели можно было надеяться. В минуту, когда снимали с нее священное покрывало, она была очаровательна и могла служить прелестной моделью для Магдалины. Публика к удовольствию своему видела разницу между прежней весталкой и настоящей. Г-н Самойлов по причине болезни играл и пел хуже обыкновенного. Все прочие играли недурно. Г-н Климовский пел прекрасно.

Вторник. <29 апреля>. *Дмитрий Донской*.

Я не стану судить о самой трагедии. Всем известны ее красоты и недостатки. Сюжет, без сомнения, удержит ее навсегда на русском репертуаре. Что сказать про игру актеров? Собор князей, бояр и воевод был очень хорош. Даже г-жа Семенова совсем не удовлетворила ожиданию публики, привыкшей видеть в ней совершенную актрису. К чему это приписать? вероятно, пословице: и трезвый с пьяными охмелеет.

Воздушные замки. Комедия в 1-м действии, подражание Coll'in> d'Harlev<ille>, г-на Хмильницкого.

Презабавная маленькая комедия, писанная прекрасными стихами. Многие недовольны тем, что не является на сцену ожидаемый граф, ожидаемый Аглаею. С моей стороны я несколько этим не огорчен. Бог с ним! Какая зрителям до него нужда! Если он хорош, тем лучше для вдовы, если дурен, ништо ей: не занимайся пустяками.

¹ Министром полиции был тогда известный А. Д. Балашов.

Многие находят неестественным, что все лица комедии строят воздушные замки, а мне кажется, что именно это-то и забавно и очень и естественно. Я уверен, что по крайней мере 4-я часть зрителей прежде, нежели приехать в театр, занималась тем же. Иные утверждают, что комедия без конца, потому что вдова невыходит замуж, — не беспокойтесь! она выйдет за графа, которого ждет, — жаль только, что мы не будем на свадьбе, как обыкновенно во всех комедиях. Одна привычка заставляет нас желать подобной развязки — большая часть Мольеровых комедий совершенно без конца.

Г. Сосницкий в роли мичмана и Рамазанов в роли Виктора — прекрасны.

Среда. <30 апреля>. *Павел и Виргиния.* Опера в одном действии, сделанная из известной повести Ст. Пьера, музыка довольно приятная. Опера играна не дурно.

Пятница. <2 мая>. *Глухой, или Полной трактир.* Комедия в 3-х действиях.

Дурной перевод с французского, игранный довольно дурно и не твердо выученной.

Арестант. Опера в 1 действии, перевод с французского. Музыка де-ла-Мария очень приятная.

Г-жа Семенова играла роль Розины прелестно, — прочие не знали своих ролей. Г-жа Сандунова и Климовский пели хорошо.

Леон и Тамаида. Балет в 1 действии. Соч. Дидло.

Прекрасный сей балет был испорчен г. Глушковским, который чрезвычайно неприятен тем больше, что занимал роль Антонина. Г-жа Лихутина в роли Тамаиды была, как везде, прекрасна.

На обороте: «Недельный репертуар от чл. Баркова».

III

РЕПЕРТУАР

Воскресенье. <18 мая>. *Виктор, или Дитя в лесу.* Драма в 3 действиях неутомимого Пиксеркура.

Гостинодворская публика приучила актеров выбирать для бенефисов подобные пьесы. Не нужно говорить о нелепости плана и хода драмы. До сих пор она была сносна сражениями, но последний раз и они не удались.

Понедельник. <19 мая>. *Молодые супруги.* Комедия в 1 действии.

Два слепых в Толедо. Опера в 1 действии, украшенная приятной музыкой Моноля, и *Молодая молочница* — приятный маленький балет г-на Дидло...¹

Вторник. <20 мая>. Во второй раз *Урок мужьям* и балет *Калиф Багдадской*, — который, как и все почти балеты Дидло, хорош.

Среда. <21 мая>. *Эсфирь*, трагедия Расина, переведенная с французского П. А. Катениным.

¹ По репертуарному списку Каратыгина — в этот день шли оперы: «Целый роман, или Весь день в приключениях» и «Мельник колдун, обманщик и сват».

Многим не нравится перевод сей пьесы; у всякого свой вкус, — по моему мнению, дай бог таких побольше! Г-жа Колосова играет роль Эсфири лучше, нежели все другие¹; вообще трагедия идет недурно. Комедия *Ссора, или Два соседа* Кн. А. А. Ш<аховского> давно уже забавляет публику, и все знают ее достоинства.

Четверг. <22 мая>. *Ромео и Юлия.* Опера.

Г-жа Семенова играла роль Юлии хорошо, но пела хуже, нежели когда-нибудь. Г. Климовский играл, как безграмотный, — и, если можно так сказать про императорского актера, — был, кажется, навеселе.

Пятница. <23 мая>. *Почтовый дом*, довольно смешная, но не имеющая истинного достоинства комедия в 1-м действии, и *Рауль и Креки* новый большой балет, соч. Г. Дидло.

Если бы не грешно было разбирать строго балеты, то, конечно, в нем нашлось бы много недостатков и даже нелепостей; нельзя, однако ж, не согласиться, что в балете сем есть вещи истинно прекрасные, особенно 2-е действие нравится красотою разнообразных групп и танцев.

Вторник. <27 мая>. *Грубый любовник.* Комедия в 3 действиях Монвеля, перевод с французского.

Г-н Брянский, занимающий главную роль, т. е. грубого любовника, читал хорошо, но не умел своею грубостью смешить зрителей, что составляет главное достоинство сей роли. Г. Рамазанов сказал свой рассказ о пощине недурно — прочие... бог с ними.

Балет *Зефир и Флора* мало кому нравится, однако ж от этого нельзя отнять у него достоинства: группы прелестны.

Среда. <28 мая>. *Лодоиска.* Опера в 3 действиях.

Опера сия никогда не надоедала так зрителю, как сегодня, — она была играна и пета очень незavidно. *Козак Стихотворец*, водевиль кн. Шаховского, слишком известен каждому, — говорить о нем я считаю лишним.

Далее из сообщений Д. Н. Баркова сохранилась его наивная заметка: «Опыт сравнения Расина с Вольтером», любопытная, однако, обращением к членам общества «Зеленой лампы» с просьбою о критике этого немудреного «опыта».

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ РАСИНА С ВОЛЬТЕРОМ

Не имея ни довольно познаний, ни доверенности в ученом свете, я никогда не позволил бы себе писать о таком важном предмете, если б не писал для братского общества. Много буду благодарен любезным членам общества <Зеленой> Л<ампы>, если они возьмут на себя труд показать мне мои

¹ Припомним эпиграмму Пушкина на Колосову-Каратыгину: «Все пленяет нас в Эсфири...»

ошибки и пополнить то, чего, по их мнению, недостает. С сей только надеждой я приступаю к делу.

Вольтер и Расин в одни почти лета вступили на трудное поприще театра и доказали, что ни о чем не должно судить по началу. Первый опыт Вольтера был несравненно блистательнее, нежели Расина. Вольтеров *Эдип*, несмотря на сухость первого действия и нелепость *эпизодного* лица Филоклетта, без сомнения превосходит Расинову *Фиваиду* даже в отношении к слогу; но со всем этим Вольтер обязан успехом своей трагедии не столько собственным дарованиям, как веку и обстоятельствам. Расин начал писать тогда, как язык не был еще совершенно обработан; он не имел других образцов, кроме нескольких трагедий Корнеля, в коих есть, без сомнения, красоты неподражаемые, но кои в рассуждении целого очень далеки от совершенства трагедий Расиновых. Вольтер же, напротив, имел учителями и Корнеля, и Расина, писал языком, обогащенным образцовыми, изящными произведениями. Оба они подражали грекам, с той, однако, разницей, что Расин менее пользовался Еврепидом, нежели Вольтер Софоклом, и в доказательство сего он тотчас упал, как скоро оставил своего учителя; последовавшая за *Эдипом Артемора* писана слабым прозаическим слогом и по справедливости освистана. Напротив, *Александр* Расинов доказывал уже если не хорошего трагика, то по крайней мере поэта; не будучи совершенной трагедией, *Александр* может по справедливости назваться хорошей стихотворной пьесой. Неоспоримо, что Расин заблуждался, подражая Корнелю, тогда как должен был следовать собственному гению, — но он скоро увидел свою ошибку, и *Андромаха* служит тому доказательством. Вольтер, переименовав *Артемору* в *Марьяму*, исправил в ней слог, отдал на театр и опять был освистан. Итак, Расин на 28 году был уже хорошим трагиком, а Вольтер в 30 лет еще колебался на сцене. Опечаленный неуспехом, он поехал с горя в Англию, что ему послужило в пользу: он познакомился с английскою словесностью и научился заменять гением их стихотворцев недостаток собственного дарования; но, не имея хорошего вкуса и точного о вещах понятия, он не умел и сим воспользоваться и занял их погрешности: он научился делать романические сцены и положения, несогласные с рассудком.

Следующую заметку Баркова (по-видимому, незаконченную) — о «первом актере» Волкове — надлежит отметить как одну из ранних попыток напомнить о заслугах этого замечательного деятеля-самоходка.

ЖИЗНЬ АКТЕРА ВОЛКОВА

Федор Григорьевич Волков, купеческий сын, родился в Ярославле 1729 года февраля 9 дня. Он был первым основателем и актером правильного национального театра в России, несмотря на то, что еще при царе Алексее Михайловиче существовала уже в России труппа актеров, ибо она

была выписана по указу царя из немецкой земли и, стало быть, играла по-немецки. Хотя в записках об Русском театре и сказано, что люди у боярина Матвеева, обучаясь у Немцев, играли вместе с ними комедию, но как и на каком языке, не упомянуто, и по всем вероятностям заключить должно, что они употреблялись в балетах, в оркестре для выходов, для ролей без речей и т. п. Во время малолетства Петра I в Заиконоспасском монастыре представлялись духовные трагедии и переведенные с французского языка комедии, как то: *Врач поневоле* и проч. Царевна Софья Алексеевна сама сочиняла трагедии и представляла их в теремах своих с придворными.

В 1701 году Петр Великий выписал из Данцига труппу, состоящую из 9 человек под начальством Куншта, который был вместе и автором иггранных тогда пьес, и актером.

Он обучил 12 человек русских из приказных и посадских людей, и к торжественному шествию Петра в Москву после победы над Шведами было приготовлено аллегорическое представление.

Приведем, наконец, басню Баркова «Быль» и его же остроумную шутку в стихах о букве Ъ; с этою буквою издавна вел борьбу Дмитрий Иванович Языков, впоследствии непрменный секретарь Российской академии (1835—1841) и академик Академии наук (1841—1845), издавший без «еров» две книги: «Влюбленный Шекспир. Комедия Дюваля», перевод с французского (СПб., 1807), и «Сравнения, замечания и мечтания, писанные в 1804 г. во время путешествия одним русским. Перевод с немецкого» (СПб., 1808); отрывок из «Сравнений», под заглавием: «Он должен быть профессором», также без «еров», появился еще в «Северном вестнике» (1805. Ч. 8). Языкова за его борьбу с Ъ осмеял, как известно, еще Батюшков в 1809 г. в своем «Видении на берегах Леты»:

...я целу ночь и день
Писал, пишу и вечно буду
Писать все прозой без еров...¹

БЫЛЬ

Повесин на лошадь сердился, —
Сердилась лошадь на него;
И конь, и всадник утомился,
Да пользы мало от того.

¹ Батюшков К. Н. Соч. Т. I. С. 80, 327.

И верно этот спор надолго б продолжился,
 Когда б Повесина сосед
 Не ехал мимо на обед
 И в спор столь жаркой не вступился.
 «За что так сердишься? Чем виноват гнедой,
 Твой верный конь, перед тобой?»
 Сказал проезжий мой упрямому соседу.
 — Хм! не досадно ли! вот с места час не съеду,
 Уж лошадь! — «И мой друг! Не стыдно ль
 спорить с ней:
 Ну, слезь и докажи, что ты ее умней!»

Барков

ПРИГОВОР БУКВЕ Ъ

Ер, буква подлая, служащая хвостом,
 Полезла на Парнас, писать стихи пустилась;
 В журнале завладеть изволила листом
 И всех на нем бранить решилась,
 Судить,
 Рядить, —
 Ну, словом, хочет умной быть,
 Конечно, буква ер взбесилась,
 Ну, право, надо взять с Языкова пример
 И уничтожить букву Ъ.

Барков

С особенным интересом, наконец, надлежит отметить в наших бумагах след участия в собраниях «лампы» кн. Сергея Петровича Трубецкого, будущего известного декабриста¹; по его собственному показанию, данному Верховной следственной комиссии, он недолго был членом «лампы» — «не более двух месяцев перед отъездом в чужие края в 1819 году»², а уехал он в июне этого года, — следовательно, его участие в собраниях могло быть лишь в апреле — мае месяцах, к которым, следовательно, и относится сообщаемая ниже записка Трубецкого (принадлежность ее Трубецкому мы определяем по почерку), содержащая перечень книг и сочинений, рекомендован-

¹ О нем см. исследование Н. Ф. Лаврова в сб.: Бунт декабристов. Л., 1926. С. 129—222; об участии Трубецкого в «Зеленой лампе» — см. с. 159 указ. изд.

² Шеголев П. Е. «Зеленая лампа». С. 28; то же в издании Централархива: Восстание декабристов. М., 1925. Т. 1. С. 53—54.

ных им, для чтения и изучения, более, чем он, молодым и менее политически образованным сочленам. В перечне Трубецкого мы находим «Историю» Карамзина, Летописи, Историю Российской иерархии, то есть, — главнейшие книги по вопросам русской истории — духовной и светской, — биографические словари и сборники, монографии о Суворове, о Петре Великом, Записки Манштейна, Путешествия Олеария и Герберштейна, — вообще источники для познания отечественной истории; особенно любопытным представляется нам указание на рекомендацию Четьи Миней. Иностранные книги приведены, вероятно, как параллель к таким же русским изданиям, — для сравнительного изучения. Как известно, будущие декабристы были настроены весьма патриотично и считали необходимым развитие в себе и в других национального чувства. Вот этот список, писанный собственноручно С. П. Трубецким:

1. Dictionnaire Universel par une Société des Savants français, 20 vol.
2. Conversations-Lexicon.
3. Опыт Словаря Исторического.
4. Пантеон Российских писателей.
5. Российское баснословие Попова.
6. Российская Иерархия, 2 части.
..... Я. Орлова.
7. Русской Вестник С. Глинка с 1808.
8. Деписание Славных мужей царствования Петра I, 2 части.
9. Древняя Российская Вивфлиофика.
10. История Суворова, Фукса.
11. Деяния Петра Великого.
12. Жизни в особенности Знаменитых мужей разных сочинителей.
13. Манштейновы Записки.
14. Жизнь Петра Великого, Феофана Прокоповича.
15. Вообще летописи и Истории Российские.
16. Dictionnaire de Moncy.
17. Вообще иностранные Лексиконы и Истории.
18. Записки Знаменитых путешественников по России, как то Олеария, Герберштейна и т. п.
19. Периодические издания, где помещены жизнеописания сл<авных> муж<ей> Рос<сийских>.
20. Gallerie militaire.
21. Чети Миняя.
22. Церковная История Митрополита Платона.
23. Драматический Вестник.

24. Карамзина История.

25. Дух¹.

Участие в собраниях «Зеленой лампы» барона А. А. Дельвига выразилось, судя по нашим бумагам, лишь в чтении трех его стихотворений: «Фанни», «К мальчику» и «Дафна»; второе и третье стихотворения вошли уже давно в издания сочинений Дельвига, но, как было указано выше, в пьесе «К мальчику» любопытно отметить важную редакционную поправку Пушкина и некоторые варианты, а про «Дафну» следует сказать, что она хотя и известна в печати, под заглавием «Первая встреча»², но с пропуском двух строф и с некоторыми вариантами; кроме того, надлежит отметить, что писано стихотворение *рукою Боратынского*, тогда (1819 г.) сожителя Дельвига; наконец, пьеса «Фанни» — эта изящная «Горацианская ода» — стала известна лишь недавно, по публикации М. Л. Гофмана в альманахе Пушкинского Дома «Радуга» (Пб., 1922. С. 39—40) и в его же книжке «Дельвиг. Неизданные стихотворения» (Пб., 1922. С. 50 и 125), с любопытным комментарием, объясняющим III строфу 4-й главы «Евгения Онегина»³, и в двух редакциях — первоначальной и окончательной; текст бумаг «Зеленой лампы» занимает, по-видимому, среднее место, то есть дает вторую редакцию. Приводим текст всех трех пьес Дельвига.

ФАННИ

Члена Дельвига

Мне ль под оковами Гимена
 Все видеть то же и одно
 Мое блаженство — перемена,
 Я дев меняю, как вино.

Темира, Дафна и Лизета
 Давно, как сон, забыты мной,

¹ Вероятно, известный энциклопедический журнал, издававшийся с 1815 г. Г. М. Яценковым — «Дух журналов», а не «Дух законов» Монтескье.

² Дельвиг А. А. Соч. СПб., 1850. С. 108—110.

³ Вероятно, эту же Фанни упоминает и Пушкин в своем послании к М. А. Щербинину, того же 1819 г. По-видимому, это была довольно известная звезда тогдашнего полусвета (ср.: Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1913. С. 15 [дважды], 16, 182.

И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой.

Чем девы робкой и стыдливой
Неловкость видеть, слышать стон,
Дрожать и миг любви счастливой
Ловить ее притворной сон, —

Не слаще ль у прелестной Фанни
Послушным быть учеником,
Платить любви беспечно дани
И оживлять восторги сном.

К МАЛЬЧИКУ

Члена Дельвига

Мальчик, солнце встретить должно
С торжеством в конце пиров:
Принеси же осторожно
И скорей из погребов
Матерь чистого веселья,
Влагу смольную вина,
Чтобы мы, друзья похмелья,
Не нашли в фиале дна.

Не забудь края златые
Плющем, розами увить:
Весело в года седые
Чашей молодости пить,
Весело хоть на мгновенье,
Бахусом¹ [Грезами] наполнив грудь,
Обмануть воображенье
И в былое заглянуть.

ДАФНА

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала, что целый свет
Лишь бор, поток и поле...
К нам юноша пришел в село.
Кто он? отколь? — не знаю,
Но все меня к нему влекло,

¹ Поправка рукой Пушкина.

Все мне твердило — знаю.
 Его кудрявые волосы
 Вкруг шеи обвивались,
 Как знак сияет от росы, —
 Сияли, рассыпались;
 И взоры пламенны его
 Мне что-то изъясняли;
 Мы не сказали ничего,
 Но уж друг друга знали...
 Как с розой ландыш, бел он был, —
 Милее не видала;
 Он мне прилежно говорил,
 Но что? — не понимала.
 Куда пойду — и он за мной,
 Мне руку пожимая,
 Увы! и ах! твердил с тоской,
 От сердца вздыхая.
 «Что хочешь ты?» — спросила я:
 «Скажи, пастух унылый».
 И обнял с жаром он меня
 И тихо назвал милой...
 И мне б тогда его обнять,
 Но рук не поднимала:
 На груди потупила взгляд,
 Бледнела, трепетала.
 Ни слова не сказала я...
 За что ж ему сердиться?
 Зачем оставил он меня
 И скоро ль возвратится?

Дельвиг

Деятельнейший член «Зеленой лампы» — Я. Н. Толстой — большую часть своих стихотворений, читанных на собрании кружка, напечатал в 1821 г. в сборничке «Мое праздное время»¹; не вошли в него лишь риторическое и растянутое послание «К ветерану***» и басня «Таракан-Ритор», ничего не прибавляющие, однако, к литературной физиономии этого, по выражению Пушкина, «Философа ран-

¹ На титульном листе книжки — гравированная гравером А. Ш. [А. М. Шелковниковым ?] виньетка, изображающая горящую лампаду (или светильник, лампу), слева от которой находится — лира, а справа — якорь (эмблема надежды), т. е., в общей сложности, *Зеленую* (цвет Надежды) *Лампу*, посвященную поэзии.

него»; стоит отметить разве лишь конечную сентенцию, для которой написана и вся упомянутая немудреная басня:

Как часто рифмачи подобны Таракану:
 Похвальну песнь поют из денег, перстенька
 Достойному хвалы, а вместе с тем — тирану, —
 Но жаль, что нет для них лихого паука.

Что касается «Послания к А. С. Пушкину»¹, вызвавшего известные «Стансы» Пушкина Толстому и относящегося к тому же 1819 г., то в рукописи его в наших бумагах нет существенных изменений против печатного текста, почему мы и оставляем их без внимания.

Из остальных материалов, дошедших до нас от участников дружеских собраний и бесед, приведем еще шараду в стихах, написанную неизвестным нам почерком и принадлежащую неизвестному же автору: она любопытна своим политическим содержанием, как бы отзвуком тех частей пушкинской оды «Вольность», в которых поэт говорит о вечном законе и его значении:

Лишь там над царскою главой
 Народов не легло страданье,
 Где крепко с Вольностью Святой
 Законов мощных сочетанье и т. д.

Та же мысль и в «Шарраде» неизвестного нам автора, означающей, очевидно, слово «Престол»:

ШАРРАДА

*Слог первый мой везде есть признак превосходства,
 Вторая часть нужна для пищи, для дородства,
 Нередко и для книг, а чаще для бумаг,
 Для лакомых она — источник лучших благ.
 Что ж целое мое? — Всегда жилище власти,
 И благо, где на нем, смилив кичливы страсти,
 Спокойно восседит незыблемый закон:
 Тогда ни звук оков, ни угнетенных стон
 Не возмущают дух в странах, ему подвластных;
 Полны счастливых сел и городов прекрасных,
 Любуются они красой своих полей,
 И солнце, кажется, сияет им светлей...*

¹ Оно перепечатано в нашей статье о Я. Н. Толстом (СПб., 1899. С. 9—11) и в сборнике В. В. Каллаша «Русские поэты о Пушкине» (М., 1899. С. 8—10).

Но горе, где, поправ священные законы,
 Забыв свой долг, презрев граждан права и стоны,
 Воссядет равный им с *страстями*, а не закон:
 Там вмиг преобратит строптивой властью он
 В ничто — обилья блеск; луга и нивы — в степи,
 И детям от отцов наследье — грусть и цепи,
 И землю окропят потоки горьких слез,
 И взыдет стон людей до выпрених небес.

Произведение другого неизвестного автора, писанное, по-видимому, им собственноручно, называется «Послание к другу»; по почерку, по словам о «неимоверном успехе *Провинциала*» (стихи 10—11), наконец, по всему содержанию, показывающему близость сочинителя к театру и его интересам, — можно было бы приписать это произведение Михаилу Николаевичу *Загоскину*, комедия которого «Господин Богатонов, или Провинциал в столице», впервые сыгранная 27 июня 1817 г. с весьма большим успехом, часто затем давалась на петербургской сцене. Но, с одной стороны, об участии Загоскина в «Зеленой лампе» нет никаких указаний (хотя, живя в 1819 г. в Петербурге и вращаясь в литературно-театральных кругах, он вполне мог бы принадлежать к числу членов этого кружка), — с другой же стороны, этому предположению противоречит стих в конце пьесы о том, что автор «не видал *Провинциала*», и, кроме того, выпады против кн. А. А. Шаховского, известного плодовитого драматурга, которому посвящена вся вторая половина «Послания к другу»: известно, что Загоскин был в дружеских отношениях с Шаховским и ему был обязан первыми успехами своими на театре. Приводим это послание, несмотря на его тяжелые стихи и на то, что автор его остается неизвестен.

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ

Напрасны все твои укоры
 За то, что не трудясь живу
 И, отвратя унылы взоры
 От храма Талии, не рву
 Тех лавров, коими бы можно
 Себя столь лестно увенчать!
 Упорен ты — итак, мне должно
 Тебе причины рассказать
 Моей холодности чрезмерной:
 Хотя успех неимоверной
Провинциала наших дней

И спорил с леностью моей, —
Но, друг мой, что-то не по нраву
Мне сей блистательный успех;
И ныне, Авторам по праву,
Хоть суждено им громкий смех
Гостинодворских Ювеналов
Считать наградою за труд,
Хотя с партерных тож оралов
За крик их пошли не берут, —
Но лучше не писать решиться
И быть от славы вдалеке,
Чем за труды свои польститься
На bravo громкое в райке.
Но ты мне возразишь, конечно,
Что труд мой был бы не таков,
Как многих. — Слушай, друг сердечной,
Я отвечать тебе готов.
Ты прав. Когда бы не химера
Одна могла меня польстить,
Что даже красоты Мольера
У нас я мог бы воскресить,
То не простительно бы было
Скрывать талант столь редкий мне,
Тогда б ничто не послужило
Мне оправданьем в сей вине;
Об этом я с тобой не спорю,
Но, знаешь ли, к твоей беде
(Быть может, к общему нам горю),
Что в уши нам жужжат везде
Не Дребедни и не Шмелёвы,
Ни Антиволгинской народ
(Хотя кусать они готовы,
Но им зажать нетрудно рот),
Но все, с которыми случайно
Я ни вступаю в разговор
О Талии, — что будто тайной
Есть рыцарей ее собор,
Которые, сплетясь руками
И храм ее обстав кругом,
Корзину с острыми словами
Всю опрокинули вверх дном,
И этим сором засыпают
Отверстия все между них,

Не укрепившись, не впускают
Во храм поэтов никаких.
Ты скажешь верно: «Люди эти
Всё это видели во сне»...
Ошибся: Рыцарей приметы
Описывают даже мне.
По ним ты можешь догадаться,
Что твой приятель поделом
Их храма должен опасаться
И даже сочинять — тайком.
Один из них — поэт известной,
Сатирик — сущий Кантемир,
Он с Талией по дружбе тесной
Смешит нередко целый мир,
В особом роде сочиняет
И песенок приятных склад
Из Русских песен выбирает,
На театральный строя лад.
Скажу: поэт — подобных мало
Доселе на Руси святой;
И сердце бы к нему лежало,
Да есть порок за ним другой:
Он тех лишь авторов ласкает
Из кандидатов молодых,
В которых ясно примечает,
Что проку век не будет в них...
Но если б гений в ком открылся
И тот, к советам бы певца
Прибегнув, у него просил
Искать лаврового венца
И показать на сцене свету
Своих талантов образец —
Тому хорошего совету
Не даст, как сказывают, жрец.
На *буки бе* переменяя,
И критикуя в пустяках,
И блеск таланта затемняя,
Тем удовольствует свой страх...
Вот вся молва о Президенте¹,
Который храм на откуп взял.
Там речь зайдет и об агенте,

¹ Это все говорится о кн. А. А. Шаховском.

Который издает журнал,
Что будто часто разъезжает
По городу и второпях
Бонмо отборны собирает,
Чтоб после поместить в листах,
Которых он собрав немало,
Не устрашится и назвать
(Подумав: «скрасит все начало!»)
Комедию актов в пять.
Еще и о других довольно
Старались все мне напевать,
Но я, соскучившись, невольно
Был должен уши затыкать
И не могу не усумниться,
Мой друг, то правда или ложь?
Хочу тебя о том спроситься,
А многие толкуют тож.
Я не видал Провинциала,
Сам не могу о нем судить,
Быть может, зависть вымышляла
Сие, чтоб автору вредить.
Скажи мне мнение неложно,
О брат по Апполону мой!
Скажи — и ежели возможно
Противным друга успокой!
Уверь, что правдой Русь богата,
Что в ней открыт таланту путь,
Скажи: рукою Мецената
Меня в храм Талии введут.
Уверь, что наш поэт приятной
Таков и сердцем, и душой,
Что ложно шепчет мир развратной,
Что я обманут сей молвой,
Как стебель зеленый увядает
Неоживляемый росой,
Так часто гений исчезает
Под злобной зависти рукой.
Рассей мое недоуменье
И разгони мои мечты:
Тогда примусь за сочиненье,
Тебе известное — прости!

Наконец, чтобы закончить обзор материалов «Зеленой лампы», мы должны сказать о стихотворении с утраченными заглавием и началом первого стиха (л. 81). Писанное неизвестным нам почерком человека уже немолодого, с авторскими поправками, стихотворение это посвящено мифу о любви Аполлона к Гиацинту (см. в «Метаморфозах» Овидия, 10, 184) и вообще любви к прекрасному юноше, которого автор называет Лигурином. Некоторые строки этого стихотворения нельзя не признать весьма удачными и красивыми, — тем более досадно, что автор их не подписал под ними своего имени и что угадать его нам не удалось.

[Бог Солнца ?]¹ часто оставляет
Свой двухолмистый Геликон,
Поля и рощи пробегает
За Нимфою пугливой он;
Но чаще от высот Тайгета
К долинам, где Пеней шумит,
Приманивает бога света
Золотокудрый Гиацинт.

Там житель неба голубова,
Свою божественность забыв,
Целует ловчего младова
Под сению приютных ив;
Пан зрит их ласки молчаливо,
И Цинтия, царица снов,
Полускрывает лик стыдливой
За дым серебристых облаков.

Во взорах отроков прекрасных
Иль полногрудых дев младых
Грозит равно бог чувствий страстных
Жестоким жалом стрел своих;
И Нимфе, близ тебя дрожащей,
Урок любви первый дать
Равно прелестно, как горящий
Цвет друга юного сорвать.

Что думать, Лигуринус милой!
Летящий миг ловить спешу,
Пока восторги легкокрылы
Доступны жаждущей души!

¹ Начало оторвано; даем предположительную конъектуру.

Скорей в свой уголок уютной, —
 Эроту часик подари,
 Невеждам дверью неприступной
 Храм наслажденья затвори!

Там — в нише тайном, друг мой, чаще
 Лобзать тебя уста горят,
 Которых поцелуи слаще,
 Чем первый розы аромат,
 Чем многорощные Гиметы
 Благоуханный, чистый мед
 Или струя подземной Леты,
 Лиющая забвенья бед.

Особняком от приведенных выше произведений стоят три сравнительно большие статьи в *прозе*, из которых первая («Lettre à un ami d'Allemagne sur les sociétés de Pétersbourg») сохранилась лишь в копии¹, — притом не вполне исправной. Эти статьи — едва ли не самые ценные и интересные для нас в ряду прочих произведений, читавшихся в «Зеленой лампе»: они дают важный и надежный материал для суждения о *политических* взглядах их автора (или авторов), хотя о том, кто был этим автором, можно строить лишь более или менее достоверные догадки. Статьи «Conversation entre Bonaparte et un Voyageur Anglais» и «Un Rêve» писаны несомненно одним и тем же почерком (но на различной бумаге: «Conversation» — на белой, с водяным знаком 1817 г., а «Un Rêve» — на голубой, но также 1817 г.), с тождественным росчерком-грифом в конце и с *авторскими*, как мы полагаем, поправками в обеих. Почерк этот и мелкие автобиографические черточки, которые можно подметить в этих записках, не дают, однако, достаточно оснований для утверждения, кем именно они составлены. Несомненно одно, что автором их должен был быть (и был) человек политически образованный, хорошо знавший историю своего времени, — вероятно, участник или близкий свидетель событий Наполеоновских войн, настроенный либерально, патриот, мечтавший о коренных государственных преобразованиях в России. Он был из высшего общества (родственник его, по фамилии К., был сенатором), имел друга в Германии, сам был еще в скромном чине, рос не в Петербурге и т. д. Из числа членов «Зеленой лампы» авторами записок *не были*, судя по известным нам

¹ Одна из копий, сделанных для П. А. Ефремова.

почеркам их, ни Н. Всеволожский, ни Я. Толстой, ни Д. Барков, ни П. Каверин, ни Якубович, ни Пушкин, ни кн. Трубецкой, ни Дельвиг, ни Родзянко, ни Глинка, ни Токарев, ни Гнедич, ни князь Долгоруков; могли же быть: Щербинин, Юрьев, Мансуров, Энгельгардт, Жадовский, А. Всеволожский, Улыбышев, произведений коих, однако, в бумагах «Зеленой лампы» мы не нашли и почерка которых *той эпохи* мы не знаем. Принимая, однако, во внимание общую нравственную фигуру перечисленных *возможных* семи авторов¹, мы высказываем убеждение, что наиболее возможно было бы видеть автора интересующих нас пьес в Александре Дмитриевиче Улыбышеве, человеке чрезвычайно интересном, образованном, живом и с литературными вкусами и навыками². Он был и постарше некоторых других сочленов (родился он 2 апреля 1794 г.), и пользовался, по-видимому, их уважением (как увидим ниже, он председательствовал в третьем собрании кружка), — следовательно, надо полагать, отличался в нем весом и деятельностью; затем, автор записок обнаруживает особенно близкое знакомство с историей своего времени, — Улыбышев же до шестнадцати лет (до 1810 г.) жил и воспитывался в Германии, а затем служил в Петербурге, в центральном управлении — Коллегии иностранных дел; здесь с 1812 г. по 1830 г. заведовал он редакцией официоза Коллегии — «Journal de St.-Petersbourg», для чего требовались, разумеется, особые дарования, способности, знания и умения; вообще он был «редактором» при Коллегии, то есть занимался переводами с французского на русский язык и обратно, перевел, между прочим, на французский одно сочинение по интересовавшему тогда правительство вопросу о военных поселениях, составил описание коронации Николая I, а досуги свои посвящал занятиям музыкой и, частью, литературой³. Подчеркнем, что автор записки «Un Rêve» обнаруживает особенный интерес к музыке, говоря о музыкально-вокальном концерте в храме и о Гайдне: последнего Улыбышев очень любил и еще в 1842 г., живя в Нижнем

¹ Щербинин был светский повеса, как и Юрьев и Энгельгардт, большой остряк; Мансуров, судя по известному письму к нему Пушкина, интересовался общественными вопросами, — например, о военных поселениях, но больше был склонен, по-видимому, к театральным делам; о Жадовском мы ничего не знаем, а Всеволожский был членом «лампы», по-видимому, лишь как «брат своего брата».

² Его можно видеть в Аленине повести Л. Толстого «Альберт» (см.: Толстой. 1850—1860: Материалы. Статьи / Ред. В. И. Срезневского. Л., 1927. С. 53—57).

³ См.: Русский архив. 1886. № 1. С. 58.

Новгороде, исполнял, с другими любителями, его произведения¹; в области литературы он писал драмы, комедии, сатиры, шутки в драматической форме, — всегда при этом обличительно-бытового характера. Г. А. Ларош в обширной статье своей «О жизни и трудах Улыбышева», написанной для русского издания (в переводе М. И. Чайковского и г-жи Ларош) одного из двух известных сочинений Улыбышева — «Новая биография Моцарта», так определяет Улыбышева как писателя: «Улыбышев по-своему был человек образованный; он, по-видимому, кое-что прочел из немецких философов; его мысль работала и влекла его к созданию своей собственной философии истории музыки; то и дело видны у него разные обрывки энциклопедических сведений, свидетельствующие если не об основательном знании, то по крайней мере о живом интересе, с каким он относился к вещам; особенно часто встречаются ссылки на *русскую историю*, очевидно им любимую»². По словам другого биографа Улыбышева — А. С. Гациского, «драматические произведения его³ всегда имели жизненно-обличительно-бытовую подкладку, казня глупость, взяточничество и другие дурные стороны современного общества; действующими лицами у него являются более или менее сильные мира нижегородского сороковых и пятидесятих годов». Из драмы «Раскольник» видно, что Улыбышев был ревностный защитник освобождения крестьян и свободы печати, — от этих и им подобных реформ он ожидал даже полного уничтожения раскола, хотя раскольники изображены у него в самых симпатичных чертах. Г. А. Ларош, изучив биографию и произведения Улыбышева, утвердительно писал, что он был «человек, полный самых возвышенных и гуманных стремлений, чутьем угадывал и горячо любил прекрасное в искусстве, глубоко ненавидел неправду в человеческих отношениях и в социальном строе». Его произведения — «впереди своего века и могли быть вполне оценены лишь после смерти автора. Обличение крепостного права, административного произвола, эксплуатации раскольников полицией и т. п. во времена Улыбышева не смело говорить громко, не могло показываться на свет печати, а

¹ Ларош Г. А. О жизни и трудах Улыбышева. // Улыбышев А. Д. Новая биография Моцарта. Т. 1. М., 1890. С. 36.

² Там же. С. 3; курсив наш — Б. М.

³ Из них опубликована (Русский архив. 1886. № 1) лишь одна драма «Раскольник»; остальные нам не известны; пропал также дневник Улыбышева и другие его бумаги.

ютилось в рукописной литературе, тайно и со страхом передававшейся из рук в руки»¹. Зерна всех этих настроений заметны в рассматриваемых анонимных произведениях, сохранившихся в бумагах «Зеленой лампы»².

К сожалению, было очень трудно прибегнуть к такому объективному средству доказательства, как почерк: в ленинградских хранилищах нам не удалось найти образцов *раннего* почерка Улыбышева, чтобы сличить его с почерком анонимных рукописей «Зеленой лампы»; однако, при любезном содействии Б. Е. Сыроечковского, мы все же получили возможность сравнить почерк, которым писаны в 1819 году «*Conversation entre Bonaparte et un Voyageur Anglais*» и «*Un Rêve*», с *несомненным* почерком Улыбышева, — а именно с образцами его (правда, довольно незначительными), находящимися в Московском историческом архиве («Древлехранилище»), в делах б. Коллегии иностранных дел, — на «присяжных листах» и прошениях молодого Улыбышева — 1816, 1817 и 1821 гг.³ и, кроме того, с указанным нам И. А. Бычковым письмом Улыбышева к кн. В. Ф. Одоевскому, хранящимся в Публичной библиотеке и относящимся к 1843 г. Образцы на «присяжных листах» и прошениях состоят лишь из нескольких слов и подписей чина, имени, отчества и фамилии, писанных по-русски и довольно старательным почерком, тогда как записки писаны менее тщательно и к тому же по-французски, а письмо к Одоевскому писано уже стариковским почерком; тем не менее все общие обоим языкам буквы, особенно прописные: Г, Д, К, А, Р и другие — настолько характерны и в подписях 1817—1821 гг., и в письме 1843 г., и в записках, что для нас не остается никаких сомнений в том, что автором интересующих нас записок является именно Улыбышев...⁴ Правильность нашей экс-

¹ Ларош Г. А. О жизни и трудах Улыбышева. С. 19.

² Заметим кстати, что к сестре Улыбышева, Е. Д. Пановой, были писаны Чаадаевым его «Философические письма».

³ Сличение производилось по четырем фотографическим снимкам со скреп и подписей на бумагах, любезно доставленным нам Б. Е. Сыроечковским и взятым им из следующих дел б. С.-Петербургского Главного архива Министерства иностранных дел: VI, 1, 1816 г., № 25: «О принятии в Коллегию иностранных дел колл. рег. Александр Улыбышева»; IV, 7, 1817 г. № 16: «О пожаловании переводчика Ал. Улыбышева в титулярные советники, с производством ему жалованья; IV, 14, 1816 г., № 19: «Об увольнении в отпуск колл. рег. (колл. сов.) Александра Улыбышева по 1826 г.» (прошения от 3 января и 22 ноября 1821 г.).

⁴ О нем см. подробнее: Алфавит декабристов. С. 408; Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. В. И. Саитова. М. 1911. Т. 3; Русский архив. 1886. № 1.

пертизы, представляющейся нам лично безусловной, признали также: хранитель Рукописного отделения Публичной библиотеки И. А. Бычков и хранитель Рукописного отделения Пушкинского Дома Н. В. Измайлов¹.

I

ПИСЬМО К ДРУГУ В ГЕРМАНИЮ² О ПЕТЕРБУРГСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Мой дорогой друг!

Вы спрашиваете у меня некоторые подробности о Петербургском обществе. Я удовлетворю вас с тем большим удовольствием, что лишен всякого авторского самолюбия, и правдивость — единственное достоинство, на которое я претендую.

Посещая свет в этой столице, хотя бы совсем не много, можно заметить, что большой раскол существует тут в высшем классе общества. Первые, которых можно назвать *Правоверными* (Погасильцами [?]), — сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма, а вторые — *еретики* — защитники иноземных нравов и пионеры либеральных идей. Эти две партии находятся всегда в своего рода войне, — кажется, что видишь духа мрака в схватке с гением света; из этой-то борьбы происходят умственные и нравственные сумерки, которые покрывают еще нашу бедную родину.

Все различия и видоизменения, которые чувствуются в тоне и манерах здешних домов, могут быть сведены к этому главному различию.

Начнем с того, чтобы дать вам понятие о Правоверных. Их партия более многочисленна в провинциях, где они, как совы, кричат одни среди ночи, которая все более и более сгущается по мере удаления их жилища от столицы; но здесь, к счастью, с каждым днем их делается меньше, и часто в доме, где отец принадлежит к царствованию *Ивана Васильевича*, дети живут в веке *Александра*. Этих, так называемых патриотов, можно узнать по некоторой грубоватости манер и дерзкой привычке говорить «ты» всем, на кого они смотрят, как на низших. Они говорят почти исключительно по-русски,

¹ Перевод статей сделан, по нашей просьбе, сотрудницею Пушкинского Дома В. Б. Враскою-Янчевскою.

² В «Русской старине» (1902. № 121. С. 597—601) напечатана статья «Петербургское общество сто лет тому назад. (Письмо к другу в Германию)», с примечанием: «На письме нет даты, но оно должно быть отнесено к началу XIX века»; указания на происхождение рукописи нет, но несомненно, что письмо это — перевод большей части того же самого текста, что и публикуемая нами записка. Вероятно, в «Русской старине» перевод был сделан именно по подлиннику, извлеченному из архива «Зеленой лампы», почему этот подлинник и не дошел до нас в составе архива (см. выше).

и если им случается иногда произнести несколько французских слов, то, я думаю, они это делают из хитрости, потому что, надо признать, в их устах этот язык становится самым отвратительным жаргоном, какой только можно услышать. Излюбленным и обычным предметом их разговоров является служба, — не в отношении общественной пользы, которую она может иметь, но с точки зрения доставляемых ею личных выгод. Чины, кресты и ленты — их кумиры, исключительное мерило их уважения и почтения, главный двигатель их деятельности и единственная цель существования. Таким образом, степень достоинства определяется у них только густотой эполет или же табелью о 14 классах, которые составляют протяжение гражданской службы. Из этих непреложных принципов и вытекают обычаи и этикет их домов, а также правила для приема каждого посетителя.

Одним из самых ревностных поборников этих правил был мой покойный родственник, сенатор К¹. Поступив в Сенат в звании кописта и с имением в 40 душ крестьян, он через полвека достиг чина действительного тайного советника и обладания состоянием в 8000 душ. Я был представлен ему спустя несколько дней после моего приезда в Петербург. Меня предупредили, что он очень дорожит титулом Превосходительства, как и большинство Скифо-Россов, его единомышленников, у которых в действительности ничего нет превосходного, кроме титула. Я ему расточал его при каждой фразе; и это внимание, вместе с его старинной дружбой с моим отцом, заслужило мне честь быть приглашенным у него отобедать, несмотря на полное мое ничтожество, так как я тогда не имел чина.

По примеру некоторых других домов, у г-на К. был определенный день для приема гостей. Его днем было воскресенье. Я пришел к нему в половине третьего, пройдя анфиладу комнат, отделанных штофом и украшенных зеркалами в золоченых рамах, я вошел в гостиную, где нашел старика в халате, сидящего на диване и окруженного своей семьей. Было еще очень мало народа; несколько человек держались в почтительных позах, и по тому малому вниманию, которое уделял им хозяин дома, я увидел, что они мало что значили. После я узнал, что они принадлежали к классу тех неутомимых паразитов, которые заодно с хорошим обедом охотно переваривают презрение и всевозможные унижения. Эта многочисленная в Петербурге порода заменила тут шутов, которые совсем вышли из моды и встречаются только в Москве. Я нахожу, что эта замена ничего не дала. Вскоре я увидел, как вошли лица с видом более независимым и с выражением менее подобострастным; движения и жесты Его Превосходительства, за которым я внимательно следил, определяли чин каждого почти так же точно, как при проезде через заставу. Одни получали кивок головой, другие — поклон, сопровождаемый улыбкой. Кавалера св. Владимира, пришедшего на поклон, старец спросил, как он

¹ Из числа сенаторов того времени, фамилии которых начинаются с буквы К., нам не удалось подыскать подходящее к описанным данным лицо.

себя чувствует; он чуть было не приподнялся, увидя на шее крест св. Анны, встал совсем при виде звезды Александра Невского и сделал несколько шагов навстречу Андреевской ленте. Так как, вероятно, ждали именно его, то дворецкий, вооруженный салфеткой, пришел доложить, что обед подан.

Его Превосходительство сам распорядился переходом из гостиной в столовую, указывая каждому его место и даму, которую он должен был сопровождать. Тот же этикет соблюдался и за столом. Сидя у верхнего края стола, Его Превосходительство имел справа даму, а слева — мужчину с самыми высокими титулами. Чины понижались по мере удаления от этого центра, так что мелюзга (canaille) 12, 13 и 14-го классов находилась на нижнем конце. И если даже случайно эта процессия оказывалась нарушенной, прислуга, подавая блюда, никогда не ошибалась, и горе тому, кто услужил бы титулярному раньше ассессора или поручику раньше капитана. Иногда слуга, не зная в точности чин какого-нибудь лица, устремлял встревоженные взоры на своего хозяина, и один взгляд указывал тогда, что надо было делать. При равных чинах военный имел преимущество перед гражданским служащим, а чиновник с орденом перед тем, у кого в петлице было только великолепное вознаграждение, дарованное нашим щедрым государем Русскому дворянству за патриотические жертвования, и, наконец, человеку, приехавшему в коляске, — перед пришедшим пешком. Разговор, всецело направляемый хозяином дома и в котором участвовало только два или три человека, касался большею частью крайностей модного воспитания, извращения национальных обычаев, происшедшего от мании путешествовать и несчастного пристрастия Русских к Французам, все знание которых, говорили, заключается в пируэтах, а здравый смысл — в каламбурах. Все же я заметил, что эта ненависть к иностранцам не распространялась на их вина; поблизости от хозяина дома я увидел две или три бутылки Французского вина, и те, кто более всего поносили эту страну, пили также более всего как бы для того, чтобы дать удовлетворение за нанесенную обиду¹. А нам прочим было предоставлено патриотическое занятие вкушать квас и прозрач-

¹ Эти слова напоминают напечатанную еще в 1810 г. в «Цветнике» эпиграмму К. Н. Батюшкова:

Рыцарь нашего времени
 «О хлеб-соль русская, о прадед Филарет,
 О милые остатки,
 Упрямство дедушки и ферези прабабки!
 Без вас спасенья нет,
 А вы, а вы забыты нами!»
 Вчера горланил Фирс с гостями
 И, сидя у меня за лакомым столом,
 На нравы прогневясь, как истый витязь русский,
 Съел соус, съел другой, а там сальмис французский,
 А там шампанского хватил с бутылку он,
 А там... подвинул стул и сел играть в бостон.

ную Невскую воду, — напиток, действительно, столь отличный, что для императора, во время его пребывания в Москве, привозили ее с эстафетой. Мы все же пили, за неимением другого дела, потому что нас посадили, конечно, не для того, чтобы есть. Слуги предлагали нам только кости, которых никто не хотел, или же совершенно пустые блюда. Я не боюсь, что меня уличат в преувеличении те, кто имел несчастье посещать дома вроде дома г-на К. Пусть мой печальный опыт научит каждого бедного малого (*pauvre diable*), который за свои грехи получит подобное приглашение, никогда не являться туда, не приняв предварительно меры против голода, если только у него нет еще чина 8-го класса. Этого, я думаю, довольно, чтобы познакомиться и избегать общества готов, прототипов коего был дом моего покойного родственника.

Я еще должен заметить, что во всех Скифо-Росских домах прислуга многочисленна, плохо накормлена, плохо содержится и плохо одета, за исключением тех дней, когда на нее надевают парадную ливрею. Родственными связями очень дорожат, отмечают в них столько разных степеней, что для того, чтобы их знать все целиком, надо быть великим генеалогом. Там, как и всюду в Петербурге, именины и дни рождений справляются с великолепием и обилием, и было бы смертельной обидой не явиться в такой день с почтительнейшими поздравлениями. Таким образом, изучение календаря чрезвычайно полезно для того, кто много возвращается в Петербургском обществе.

Но перейдем к изучению Европейского общества; нам стоит сделать всего один шаг, чтобы перенестись из XV в XIX век. Действительно, нет ничего разительнее контраста французского изящества и гиперборейской грубости, социального равенства, которое отдает предпочтение только уму или любезности, и этого рабского отличия по чинам — позорящим отметкам деспотизма. Можно подумать, что находишься в Париже, когда войдешь в один из этих роскошных домов, которые стяхнули с себя иго древних предрассудков. Вкус и великолепие обстановки, костюмы, манеры и самый разговор — все создает иллюзию, похожую на очарование; но после второго или третьего посещения она понемногу рассеивается. Некоторая холодность, сухость разговора, которая находит выход только в карточной игре или в гастрономических увеселениях, старание, которое мужчины и женщины прилагают к тому, чтобы держаться порознь, и неловкость в поддержании начатого с дамою разговора вскоре предупреждают вас, что вы не во Франции и что копия всегда далека от оригинала.

Пусть будет мне позволено не согласиться с общераспространенной мыслью, принятой с удовольствием моими соотечественниками; я имею в виду предполагаемое сходство между их характером и характером Французов. Мы имеем глупость гордиться тем, что нас называют Французами Севера. Мне кажется, что нет ничего менее подходящего, чем это наименование. Как же, в самом деле, влияние климата и образа правления, которые одни могут

наложить на характер народа печать национальности, могли придать одинаковые черты двум народам, совершенно противоположным в этих обоих отношениях? Мы, правда, подражаем Французам более всякого другого народа и гораздо более того, чем это бы следовало; но самое это подражание, никогда не шедшее, несмотря на все наши старания, дальше самой поверхностной формы, не должно ли доказать нам, сколь мало мы похожи на наши образцы. Не являемся ли мы для них тем же, чем восковые фигуры для людей, которых они изображают? Они имеют те же черты, тот же рост, те же платья, но им недостает жизни и движения. Также и мы можем присвоить себе моды, смешные и дурные стороны Французам, но чего никогда не будет нам дано — это их живость, гений их воображения, и главным образом та общительность, которою они отличаются. Источник их обычаев и мод надо искать в их национальных качествах. Во всем, что касается его удовольствий, Француз вполне является творцом, он проявляет подвижность мыслей в многочисленных пустых намеках, иногда странных, но всегда грациозных и столь же мимолетных, как и породивший их каприз. В Париже каждая женщина — завоеватель в области моды: она с такою же тщательностью рассчитывает эффект каждой тряпки, как полководец значение батареи; в свои старания она вкладывает серьезность, пропорциональную легкомыслию их предмета, и становится образцом для других, так как все то, что оригинально, нравится, привлекает и вызывает подражание; но, к несчастью, это последнее все портит и делает приторным. Вот почему Французские манеры, которые у нас так очаровывают иностранца, кажутся холодными и неуместными в Петербурге. Сразу же можно усмотреть, что они только условная маска, ни на чем не основаны и создают режущий диссонанс с истинным национальным характером, черты которого заметны в тех, кто говорит только на своем языке и никогда не покидал своей страны. Сохрани боже, чтобы я хотел прославить старинные русские нравы, которые больше не согласуются ни с цивилизацией, ни с духом нашего века, ни даже с человеческим достоинством; но то, что в нравах есть оскорбительного, происходит от варварства, от невежества и деспотизма, а не от самого характера Русских. Итак, вместо того, чтобы их уничтожить, следовало бы упросить Русских не заимствовать из-за границы ничего, кроме необходимого для содействия нравов Европейскими, и с усердием сохранять все то, что составляет их национальную самобытность¹. Общество, литература и искусства много от этого выигрывают. Особенно в литературе рабское подражание иностранному несносно и, кроме того, задерживает истинное развитие искусства. Есть ли на нашей сцене что-нибудь более пресное, чем обруселые водевили, переводы пьес Мольера, шеголи века Людовика XIV, солдаты, говорящие, как (*нрзб*) к небу, блестящая фривольность французских фраз и тягеловесная резкость немецких шуток?

¹ На этом в «Русской старине» обрывается «Письмо к другу в Германию».

Но этот вопрос так интересен и обширен, что его стоит обсудить отдельно. Я удовольствуюсь тут замечанием, что костюм, который более всего нравится в России даже иностранцам, — это костюм национальный, что нет ничего грациознее русской женщины, что русские песни — самые трогательные, самые выразительные, какие только можно услышать; они доставили иностранным композиторам мотивы самых прекрасных вариаций; что, наконец, в театре трагедии, которые больше всего увлекают нас, имеют сюжеты, взятые из русской истории, а в комедии нам больше всего нравится изображение наших собственных смешных сторон, из которых главная, конечно, есть желание всецело отречься от нашего характера и нравов. Итак, не подбирая, жалким образом, колосья с чужого поля, а разрабатывая собственные богатства, которыми иностранцы воспользовались раньше нас самих, мы сможем когда-нибудь соперничать с Французами и после того, как мы отняли у них лавры Марса, мы будем оспаривать и лавры Аполлона¹.

Нам представляется, что живая и остроумная статья эта писана человеком, еще сравнительно молодым; он, несомненно, был сам во Франции, и вероятно, во время Наполеоновских войн; он разумный галломан, но в то же время — патриот, любящий русские песни, русский национальный костюм; наконец, он любитель литературы и искусств, — в том числе театрального; он хорошо владеет пером и вообще человек весьма образованный. Надо отдать ему справедливость, что он довольно ярко нарисовал картину петербургского общества конца 1810-х годов, когда старина держалась в нем наряду с новизной и когда у молодежи, вернувшейся из заграничных походов и увенчанной лаврами Марса, еще кружилась голова от впечатлений и кипели чувства при сравнении своих заскорузлых «порядков» — государственных и общественных — с культурной жизнью Западной Европы.

II

БЕСЕДА БОНАПАРТА С АНГЛИЙСКИМ ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ

Путешественник: Позвольте, государь, благословить счастливое мгновение, когда мне было позволено лицезреть величайшего человека моего столетия.

Бонапарт: Положение, в котором вы меня находите, доказывает, сколь благодарно это столетие.

¹ Ср. эту фразу с такими же суждениями в записке «Сон» — см. с. 60 наст. изд.

Путешественник: Когда человек так вознесен над другими, он должен им охотно прощать несправедливости, а если целая жизнь была рядом дел, из которых одного было бы достаточно, чтобы заслужить бессмертие, то и в несчастье можно всегда отыскать большое утешение.

Бонапарт: Вспоминают ли обо мне еще в Европе?

Путешественник: Европа, среди тьмы, в которую ее повергло отсутствие славы и гения, все время устремляет взоры к Св. Елене, как к блистающему маяку.

Бонапарт: Что говорите вы о тьме? Разве солнце разума не поднялось именно теперь над ее горизонтом?

Путешественник: Действительно, государь, всеобщее замирение на континенте, пробуждение свободы во всех сердцах, великопепные обещания наших государей были для нас зарею прекрасного дня, но несколько туч, поднявшихся вскоре на политическом горизонте, до сих пор мешают нам видеть появление того солнца, о котором упомянули ваше величество.

Бонапарт: Что вы подразумеваете под этими тучами?

Путешественник: Большая часть народов Европы, стеноя под игом неперимости, деспотизма и варварского законодательства, казалась неполноправным отпрыском в семье рода человеческого. Катастрофа 1812 года показала им благоприятным моментом, чтобы захватить обратно свое законное наследие: терпимость и свободу. Они предьявили давно затерянные документы пред взоры государей, которые, чувствуя, что они пошатнулись на своих престолах, поторопились признать их, торжественно обещали установить права подданных наряду с правами правителей и указали на вас, государь, как на единственное препятствие к исполнению всеобщего желанья. Тогда вам пришлось сражаться не с армиями, но с нациями. Исход этой битвы больше не мог быть сомнительным; но судьба как бы хотела показать и в превратностях ваше величие и доказать, что вы могли сдаться только перед высшими силами, — в России вас победили стихии, а в Лейпциге — гений XIX века.

Бонапарт: Ах, скажите лучше — самая недостойная измена, которую только можно найти в истории, — но продолжайте!

Путешественник: Ваше падение показало удивленному миру, что существуют силы, не зависящие от вас. Так во время затмения можно увидеть, как блещут звезды, которых нельзя было рассмотреть при сиянии дня. Союзники, соединенных усилий которых едва достало, чтобы вас низвергнуть, возгордились своими силами. Когда исчезла опасность, государи не подумали сдержать слово, вырванное у них одним только страхом. Им было горько отказать от власти, которую долгая летаргия народов сделала как бы законной, а суеверие изображало исходящую от Бога. В век фанатизма и предрассудков слепое послушание воле государя сделалось своего рода культом. Какое унижение для тех, кто привык смотреть на себя, как на ставленников Провидения, — подчиниться законам, установленным представителя-

ми их подданных! Народы же со своей стороны не захотели, чтобы их кровь и их сокровища были расточены зря. Они громко требовали благ, купленных столькими жертвами. Некоторые государи благоразумно уступили голосу справедливости и совести, но большинство до сих пор еще, под различными предложениями, откладывает исполнение своих обещаний¹. Эта тяжба между народами и государями и есть как раз та наэлектризованная туча, которая нависла над Германией. Она скрывает в своих недрах громы и молнии.

Бонапарт: И все же кончится тем, что государям придется сдаться. Пусть они трепещут перед общественным мнением, — это оно причинило мою гибель.

Путешественник: Не всегда, государь, внимают урокам опыта; не надо других примеров, кроме Испании. Несчастливая страна, в награду за славные усилия и героические жертвы, обременена теперь тройными цепями политической зависимости, внутреннего деспотизма и инквизиции. Нет такого притеснения или жестокости, которыми бы Фердинанд не пробовал утомить терпение Испанцев. Он истощает деньги своей страны, чтобы посылать своих подданных в Америку, где они массами гибнут и своей кровью закрепляют нарождающуюся свободу.

Бонапарт: Итак, Испанцы отказались от короля, поставленного мною, только для того, чтобы стать жертвою фантастического и бессмысленного тирана?!

Путешественник: Да, государь, но всему бывает предел. Даже из чрезмерного зла может родиться благо, и можно думать, что скоро пробьет час освобождения Испании.

Бонапарт: Не сомневайтесь в этом: когда нация испробовала первые плоды свободы, она будет вздыхать о ней как о своем лучшем благе. Напрасно пытаются обратить вспять ход веков.

Путешественник: Все же странно, что в стране, входящей в Священный Союз, смеют позволять себе такие крайности.

Бонапарт: Ваш Священный Союз — вещь тем более замечательная, что никто в ней ничего не понимает. Говорят, он основан на принципах христианской религии, но так как эти принципы те же, что и евангельские, проповеданные во всей Европе, то каким образом *человеческий авторитет* может прибавить новую санкцию к законам, исходящим от *авторитета божественного*? Какие гарантии представляет он союзникам одним против других или народам против их властителей? Не допуская иного судьи, кроме совести, к чему он послужит, если совесть союзников не будет в согласии? Совесть сильнейшего не будет ли всегда лучшею, и политические казуисты не поспешат ли высказаться за нее? Разве не сами

¹ Намек, несомненно, на Александра I, даровавшего конституцию Польше и лишь обещавшего ее России.

основатели Священного Союза отняли у Саксонского короля половину его государства за то, что он сохранял свои первоначальные обязательства с верностью, может быть немного простоватой, но, несомненно, очень христианской?

Путешественник: Я, собственно, не вижу, что можно было бы противопоставить доводам вашего величества. Какова же была цель этой мировой сделки?

Бонапарт: Я вам это сейчас разъясню. Российский император, которому его характер, власть и, главным образом, события 1812 года обеспечили первое место среди союзников, почувствовал, что для достижения власти, равной моей, надо или стать завоевателем, или покорить мнение самыми сильными соблазнами. Мой пример должен был показать ему, сколь опасно первое средство, — он решился на второе. Сверх того, самолюбие говорило ему, что для него будет бесконечно лестно, если, сравнивая нас друг с другом, вселенная представит его добрым, а меня злым гением Европы. Итак, с этого момента его политика стала почти всегда согласною с моралью. Во всех крупных переговорах он брал сторону слабого против сильного (я исключаю Саксонию). На его мнение смотрели как на изречение справедливости, и было бы, так сказать, святотатством не подчиниться ему. Роль, которую играли его союзники, служила только для увеличения его блеска. Единственно его поведение было справедливо и благородно. Я довел нашествие до самого сердца его государства, я занимал Москву, — он пришел отдать мне визит в Париж: ничего не могло быть естественнее. Но король Прусский, император Австрийский и князя Рейнской конфедерации были моими союзниками и врагами Александра. Несчастья 1812 года не могли изменить сути их обязательств по отношению ко мне. Они обратили оружие против Франции, потому что тогда она была самая слабая, и они сочли случай благоприятным, чтобы отомстить за свои прежние поражения. В особенности император Австрийский, которого связывало самое близкое родство с императорской династией Франции, показал себя в наиболее отвратительном свете. Все эти государи, ничтожные по своему характеру и талантам, служили только украшением триумфальной колесницы Александра. Даже сами побежденные не могли отказать ему в дани восторга и энтузиазма. Вход его в Париж был отмечен возгласами и криками радости: желая оправдать столь лесную встречу, он сделался защитником Франции против притеснения и мести ее врагов. Эта последняя черта преисполнила меру его славы и утвердила наконец за ним то безграничное преобладание, которому так завидует ваша страна.

Путешественник: Отдавая справедливость своим врагам, вы хотите доказать, государь, что вы один соединяете в себе все виды славы. Но осмелюсь ли я вернуться к объяснению Священного Союза?

Бонапарт: Император Александр думал о потомстве, как и всякий, кто совершал великие дела. Он хотел оставить после себя памятник, который

бы отметил одну из главнейших эпох в истории рода человеческого, как то: зарождение христианства, открытие Америки и Реформация. Все договоры, заключенные до тех пор, имели в виду нападение, защиту или частные интересы договаривающихся сторон. Его воображение поразила мысль положить в основу политики принципы религии и осуществить таким образом мечту о вечном мире. Он слишком был ослеплен величием своего предприятия и его последствий, чтобы почувствовать всю его невозможность. Уже ему казалось, что он слышит свое имя, из века в век повторенное с благословениями народов и произнесенное самыми отдаленными поколениями, как имя их благодетеля. Отсюда — и Священный Союз. Александр думал много выиграть присоединением других государей, но в сущности выиграл он очень мало. Он забывал, что все существующие договоры были заключены *во имя Бога и пресвятой Троицы*, что не мешало их нарушению, что при каждом объявлении войны, справедливом или несправедливом, воюющие стороны всегда призывали Бога в свидетели правоты их дела и что, наконец, самый акт Священного Союза, решительно ни к чему не обязывая, смутной своей редакцией будет, в случае спора, каждым истолкован в своих интересах.

Путешественник: Замечания вашего величества так вески, а недостаточность средств сравнительно с целью так очевидна, что большинство мыслящих людей Европы приписывали императору Александру намерения, которые, конечно, никогда не приходили ему в голову. Одни думали, что он хотел пустить пыль в глаза, другие сочли Священный Союз как бы христианской федерацией против неверных, проектом крестового похода в XIX веке; некоторые думали, что это лига правителей против своих народов и что упорство, с которым несколько германских князей отказывали в конституции своим государствам, было, главным образом, основано и поддержано этим мировым союзом. Есть даже такие, которые доходят до того, что говорят, будто император Александр, наблюдая в философии круг человеческих мнений, который ведет от фанатизма к неверию и после возвращает нас к суеверию, захотел воспользоваться мистическим направлением века, чтобы прибавить духовное влияние к своей военной и политической власти и стать, таким образом, верховным законодателем Европы, своего рода *Папой*, более могущественным, чем прежний, так как *св. Петр никогда не имел восьмисот тысяч апостолов для поддержания непогрешимости своих решений*. Эти лица считают еще, что путешествия и учение г-жи Крюденер, так же как и труды одного молодого дипломата, прослывшего *столь же хорошим богословом, как дурным мыслителем*¹, *суть машины, тайной пружиной которых является рука императора Александра*.

Бонапарт: Люди эти не знают, что говорят. Либеральные принципы, которые император России с гордостью исповедует, не должны ли доказать

¹ Вероятно, здесь имеется в виду известный А. С. Стурдза.

им ложность их предположений? Но расскажите мне лучше о Франции и о добром короле Людовике XVIII.

Путешественник: Если бы я был менее уверен в возвышенности и благородстве ваших чувств, то я побоялся бы оскорбить вас, сообщив, что Франция находится в состоянии полного благоденствия. Она наслаждается конституцией по образцу нашей, то есть наиболее совершенной политической комбинацией, какую до сих пор создал человеческий ум. Ярые роялисты, система которых, ненавистная народу, противная духу времени, несчастному двадцатипятилетнему опыту и даже самим намерениям короля, угрожала погрузить Францию в ужасы второй революции, стали теперь наконец столь же безопасны, как были презренны. Король, освободившись от их влияния, доверил исполнение своей власти людям, указанным ему голосом нации, — словом, Франция может быть очень счастлива, если только сумеет наслаждаться своим счастьем. Одно только обстоятельство заставляет меня трепетать за них — это характер французов, основанный на тщеславии. Они никогда не забудут, что их истинная свобода была основана в самое унижительное время их истории, что они приняли своего теперешнего государя из рук иностранца и что спокойствие купили потерей славы.

Бонапарт: Нет, ваши опасения неосновательны. Военная слава Франции существует во всем ее блеске. Это лучшая ее народная собственность, единственное наследие, которое я оставил ей. Вы вечно будете жить, о дни Маренго, Аустерлица, Иены, Эйлау! Только мои ошибки и привели к бедствию 1812 года, подняла всю Европу против Франции и призвали нашествие на ее земли. После того, как французы были первым народом по оружию, они еще будут царствовать над Европой не менее могучим влиянием цивилизации, изящных искусств, красноречия и гения. Вот что возвещает им тень Наполеона из глубины его чистилища, Св. Елены. Скажите им, возвратясь в Европу, что последняя мысль этой тени, в минуту ее освобождения, будет пожелание им славы и благоденствия.

Автор этой интересной записки, составленной еще при жизни Наполеона и Александра I и отличающейся смелостью, для своего времени, суждений, обнаруживает хорошее знакомство с политической историей своей эпохи и дает ряд метких определений современного положения Франции и России. По некоторым тирадам мы заключаем, что она принадлежит перу кого-либо из членов «Зеленой лампы», а не является лишь переводом какой-нибудь английской статьи; но этот вопрос могут решить лишь специалисты — историки. Мы привели ее здесь (в русском переводе), так как она чрезвычайно любопытна для суждения о темах бесед в собраниях у Н. В. Всеволожского.

III СОН

Из всех видов суеверия мне кажется наиболее простительным то, которое берется толковать сны. В них действительно есть что-то мистическое, что заставляет нас признать в их фантастических видениях предостережение неба или прообразы нашего будущего. Лишь только тщеславный предается сну, долго бежавшему его очей, как он уже видит себя украшенным орденом, который и был причиной его бессонницы, и убеждает себя, проснувшись, что праздник Пасхи или же новый год принесут с собой исполнение его сна. Несчастный любовник наслаждается во сне предметом своих долгих вождлений, и почти угасшая надежда вновь оживает в его сердце. Блаженная способность питаться иллюзиями! Ты противовес реальных несчастий, которыми постоянно окружена наша жизнь; но твои очарования вскармливают не одни только эгоистические страсти. Патриот, друг разума и в особенности филантроп имеют также свои мечтания, которые иногда воплощаются в их снах и доставляют им минуты воображаемого счастья, в тысячу раз превосходящего все то, что может им предоставить печальная действительность. Таков был мой сон в прошлую ночь; он настолько согласуется с желаниями и мечтами моих сотоварищей по «Зеленой лампе», что я не могу не поделиться им с ними.

Мне казалось, что я среди петербургских улиц, но все до того изменилось, что мне было трудно узнать их. На каждом шагу новые общественные здания привлекали мои взоры, а старые, казалось, были использованы в целях, до странности не похожих на их первоначальное назначение. На фасаде Михайловского замка я прочел большими золотыми буквами: «*Дворец Государственного Собрания*». Общественные школы, академии, библиотеки всех видов занимали место бесчисленных казарм, которыми был переполнен город. Проходя перед Аничковым дворцом, я увидел сквозь большие стеклянные окна массу прекрасных памятников из мрамора и бронзы. Мне сообщили, что это Русский Пантеон, то есть собрание статуй и бюстов людей, прославившихся своими талантами или заслугами перед отечеством. Я тщетно искал изображений теперешнего владельца этого дворца¹. Очутившись на Невском проспекте, я кинул взоры вдаль по прямой линии, и вместо монастыря, которым он заканчивается, я увидел триумфальную арку, как бы воздвигнутую на развалинах фанатизма. Внезапно мой слух был поражен рядом звуков, гармония и неизвестная сила которых казались соединением органа, гармоники и духового инструмента — серпента. Вскоре я увидел

¹ Вероятно, здесь имеется в виду Александр I, так как трудно предположить, чтобы автор записки думал о жившем в Аничковском дворце молодом великом князе Николае Павловиче: в 1819 г. еще никто не думал о том, что он будет занимать всероссийский престол.

бесчисленное множество народа, стекающегося к месту, откуда эти звуки исходили; я присоединился к толпе и оказался через некоторое время перед ротондой, размеры и великолепие которой превосходили не только все наши современные здания, но и огромные памятники римского величия, от которых мы видим одни лишь осколки. Бронзовые двери необычайной величины открывались, чтобы принять толпу; я вошел с другими.

Благородная простота внутри соответствовала величию снаружи. Внутренность купола, поддержанного тройным рядом колонн, представляла небосвод с его созвездиями. В середине залы возвышался белый мраморный алтарь, на котором горел неугасимый огонь. Глубокое молчание, царившее в собрании, сосредоточенность на всех лицах заставили меня предположить, что я нахожусь в храме, — но какой религии, — я не мог отгадать. Ни единой статуи или изображения, ни священников, одежда или движения которых могли бы рассеять мои сомнения или направить догадки. После минутного предварительного молчания несколько превосходных по правильности и звучности голосов начали петь гимн созданию. Исполнение мне показалось впервые достойным гения Гайдна, и я думал, что действительно внимаю хору ангелов. Следовательно, там должны были быть женские голоса? Без сомнения, — и это новшество, столь согласное с хорошим вкусом и разумом, доставило мне невыразимое удовольствие. «Так, — рассуждал я, — если насекомое своим жужжанием и птица своим щебетанием прославляют Всевышнего, то какая смешная и варварская несправедливость запрещать самой интересной половине рода человеческого петь ему хвалы!» Чудесные звуки этой музыки, соединяясь с парами благовоений, горящих на алтаре, поднимались в огромную высь купола и, казалось, уносили с собой благочестивые мысли, порывы благодарности и любви, которые рвались к боже-ству из всех сердец. Наконец песнопения прекратились, — старец, украшенный неизвестными мне знаками отличия, поднялся на ступени алтаря и произнес следующие слова: «Граждане, вознося дань благодарности подателю всех благ, мы исполнили священный долг; но этот долг будет пустой формой, если мы не прославим боже-ство также и нашими делами. Только если мы будем жить согласно законам человечности и чувству сострадания к нашим несчастным братьям, которое сам Бог запечатлел в наших душах, мы сможем надеяться, ценой нескольких лет добродетели, достигнуть вечного блаженства». Сказав это, старец препоручил милосердию присутствующих нескольких бедняков, разорение которых произошло от несчастных обстоятельств и было ими совершенно не заслужено. Всякий поторопился по возможности помочь, — и через несколько минут я увидел сумму, которой было бы достаточно, чтобы десять семейств извлечь из нищеты. Я был потрясен всем тем, что видел, и по необъяснимой, но частой во сне непоследовательности забыл вдруг свое имя, свою страну и почувствовал себя иностранцем, впервые прибывшим в Петербург. Приблизясь к старцу, с которым я, несмотря на его высокий сан, заговорил беспрепятственно:

«Сударь, — сказал я ему, — извините любопытство иностранца, который, не зная, должно ли верить глазам своим, осмеливается спросить у вас объяснения стольким чудесам. Разве ваши сограждане не принадлежат к греко-кафолическому вероисповеданию? Но величественное собрание, которого я только что был свидетелем, равно не похоже на обедню греческую и латинскую и даже не носит следов христианства».

— Откуда же вы явились? — ответил мне старец. — Или изучение истории до того поглотило вас, что прошедшее для вас воскресло, а настоящее исчезло из ваших глаз? Вот уже около трех веков как среди нас установлена истинная религия, то есть культ единого и всемогущего бога, основанный на догме бессмертия души, страдания и награды после смерти и очищенный от всяких связей с человеческим и суеверий. Мы не обращаем наших молитв ни к пшеничному хлебу, ни к омеle с дуба, ни к святому миру, — но к тому, кого величайший поэт одной нации, давней нашей учительницы, определил одним стихом: *Вечность имя ему и его создание — мир*. Среди простого народа еще существуют старухи и ханжи, которые жалеют о прежних обрядах. Ничего не может быть прекраснее, говорят они, как видеть архиерейскую службу и дюжину священников и дьяконов, обращенных в лакеев, которые заняты его облачением, коленопреклоняются и поминутно целуют его руку, пока он сидит, а все верующие стоят. Скажите, разве это не было настоящим идолопоклонством, менее пышным, чем у греков, но более нелепым, потому что священнослужители отождествлялись с идолом. Ныне у нас нет священников и тем менее — монахов. Всякий верховный чиновник по очереди несет обязанности, которые я исполнял сегодня. Выйдя из храма, я займусь правосудием. Тот, кто стоит на страже порядка земного, не есть ли достойнейший представитель Бога, источника порядка во вселенной? Ничего нет проще нашего культа. Вы не видите в нашем храме ни картин, ни статуй; мы не думаем, что материальное изображение божества оскорбительно, но оно просто смешно. Музыка — единственное искусство, которое с правом допускается в наших храмах. Она — естественный язык между человеком и божеством, так как она заставляет предчувствовать то, чего ни одно наречие не может выразить и даже воображение не умеет создать. Мой долг призывает меня в другое место, — заметил старец, — если вы захотите сопроводить меня, я с удовольствием расскажу вам о переменах и реформах, происшедших в России за триста лет, о которых вы, по-видимому, мало осведомлены.

Я с благодарностью принял его предложение, — и мы вышли из храма.

Проходя по городу, я был поражен костюмами жителей. Они соединяли европейское изящество с азиатским величием, и при внимательном рассмотрении я узнал русский кафтан с некоторыми изменениями.

— Мне кажется, — сказал я своему руководителю, — что Петр Великий велел высшему классу русского общества носить немецкое платье, — с каких пор вы его сняли?

— С тех пор, как мы стали нацией, — ответил он, — с тех пор, как, перестав быть рабами, мы более не носим ливреи господина. Петр Великий, несмотря на исключительные таланты, обладал скорее гением подражательным, нежели творческим. Заставляя варварский народ принять костюм и нравы иностранцев, он в короткое время дал ему видимость цивилизации. Но эта скороспелая цивилизация была так же далека от истинной, как эфемерное тепличное растение от древнего дуба, взращенного воздухом, солнцем и долгими годами, как оплот против грозы и памятник вечности. Петр слишком был влюблен в свою славу, чтобы быть всецело патриотом. Он при жизни хотел насладиться развитием, которое могло быть только плодом столетий. Только время создает великих людей во всех отраслях, которые определяют характер нации и намечают путь, которому она должна следовать. Толчок, данный этим властителем, надолго задержал у нас истинные успехи цивилизации. Наши опыты в изящных искусствах, скопированные с произведений иностранцев, сохранили между ним и нами в течение двух веков ту разницу, которая отделяет человека от обезьяны. В особенности наши литературные труды несли уже печать упадка, еще не достигнув зрелости, и нашу литературу, как и наши учреждения, можно сравнить с плодом, зеленым с одной стороны и сгнившим с другой. К счастью, мы заметили наше заблуждение. Великие события, разбив наши оковы, вознесли нас на первое место среди народов Европы и оживили также почти угасшую искру нашего народного гения. Стали вскрывать плодоносную и почти не тронутую жилу нашей древней народной словесности, и вскоре из нее вспыхнул поэтический огонь, который и теперь с таким блеском горит в наших эпопеях и трагедиях. Нравы, принимая черты все более и более характерные, отличающие свободные народы, породили у нас хорошую комедию, комедию самобытную. Наша печать не занимается более повторением и увеличением бесполезного количества этих переводов французских пьес, устаревших даже у того народа, для которого они были сочинены. Итак, только удаляясь от иностранцев, по примеру писателей всех стран, создавших у себя национальную литературу, мы смогли поравняться с ними, и став их победителями оружием, мы сделали их союзниками по гению¹.

— Извините, если я перебыю вас, сударь, но я не вижу той массы военных, для которых, говорили мне, ваш город служит главным центром.

— Тем не менее, — ответил он, — мы имеем больше солдат, чем когда-либо было в России, потому что их число достигает пятидесяти миллионов человек.

— Как, армия в пятьдесят миллионов человек! Вы шутите, сударь!

— Ничего нет правильнее этого, ибо природа и нация — одно и то же. Каждый гражданин делается героем, когда надо защищать землю, которая

¹ Ср. эту фразу с такими же суждениями в конце записки «Письмо к другу в Германию», — см. с. 51 наст. изд.

питает законы, его защищающие, детей, которых он воспитывает в духе свободы и чести, и отечество, сыном которого он гордится быть. Мы действительно не содержим больше этих бесчисленных толп бездельников и построенных в полки воров, — этого бича не только для тех, против кого их посылают, но и для народа, который их кормит, ибо если они не уничтожают поколения оружием, то они губят их в корне, распространяя заразные болезни. Они нам не нужны более. Леса, поддерживавшие деспотизм, рухнули вместе с ним. Любовь и доверие народа, а главное — законы, отнимающие у государя возможность злоупотреблять своею властью, образуют вокруг него более единодушную охрану, чем шестьдесят тысяч штыков. Скажите, впрочем, имелись ли постоянные войска у древних республик, наиболее прославившихся своими военными подвигами, как Спарта, Афины, Рим? Служба, необходимая для внутреннего спокойствия страны, исполняется по очереди всеми гражданами, могущими носить оружие, на всем протяжении империи. Вы понимаете, что это изменение в военной системе произвело огромную перемену и в финансах. Три четверти наших доходов, поглощавшихся прежде исключительно содержанием армии, — которой это не мешало умирать с голоду, — употребляются теперь на увеличение общественного благосостояния, на поощрение земледелия, торговли, промышленности и на поддержание бедных, число которых под отеческим управлением России, благодаря небу, с каждым днем уменьшается.

В это время мы находились посреди Дворцовой площади. Старый флаг висел над черными от ветхости стенами дворца, но вместо двуглавого орла с молниями в когтях я увидел феникса, парящего в облаках и держащего в клюве венец из оливковых ветвей и бессмертника.

— Как видите, мы изменили герб империи, — сказал мне мой спутник. — Две головы орла, которые обозначали деспотизм и суеверие, были отрублены, и из пролившейся крови вышел феникс свободы и истинной веры.

Придя на набережную Невы, я увидел перед дворцом великолепный мост, наполовину мраморный, наполовину гранитный, который вел к превосходному зданию на другом берегу реки и на фасаде коего я прочел: *Святилище правосудия открыто для каждого гражданина, и во всякий час он может требовать защиты законов.*

— Это там, — сказал мне старец, — собирается верховный трибунал, состоящий из старейшин нации, членом которого я имею честь быть.

Я собирался перейти мост, как внезапно меня разбудили звуки рожка и барабана и вопли пьяного мужика, которого тащили в участок. Я подумал, что исполнение моего сна еще далеко...

Эта замечательная записка как нельзя нагляднее рисует нам некоторые мечты лучших, образованнейших людей конца александровского царствования, членов «Союза благоденствия», — будущих умеренных декабристов-конституционалистов. Через триста лет Рос-

сия рисуется им в виде конституционной монархии, процветающей под сенью закона, отнимающего у государя лишь возможность злоупотреблять своею властью. Они мечтают о превращении мрачного по воспоминаниям о Павле I Михайловского замка в «Дворец Государственного Собора». Общественные школы, академии, библиотеки всех видов на месте прежних казарм, Русский Пантеон в здании Аничкова дворца; единая безобрядная религия; действенная защита всякого гражданина равным для всех законом; упразднение кадровых войск и замена их всеобщим ополчением; цветущие искусства, литература и театр, развившиеся на основе древней народной словесности; наконец, общее развитие благосостояния, успехи земледелия, торговли, промышленности, широкая поддержка бедных, число которых с каждым днем уменьшается, — вот те мечты, которым предавался автор записки, а с ним и его сочлены по «Зеленой лампе». Мечты, конечно, весьма скромные и характера довольно общего¹, притом с оттенком некоторых масонских влияний и настроений², — но чрезвычайно типичные для ранней эпохи деятельности «Союза благоденствия», ставившего перед собою именно такие общие задания и подготовлявшего лишь фон для будущей деятельности своих членов, более определенной и радикальной...

¹ Записка эта напоминает «Путешествие в землю Офирскую» кн. М. М. Щербатова (1784) и некоторые другие утопии западноевропейского происхождения. О знакомстве с ними декабристов — Пестеля, Лунина и др. — см. в книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (СПб., 1909, с. 15 и сл., 208—210 и сл., 629—630 и др.), «Каталог утопий» В. В. Святловского (Пг., 1922) и его же книжку «Русский утопический роман» (Пг., 1922). Об утопии кн. В. Ф. Одоевского «4338-й год. Петербургские письма» см. очерк П. Н. Сакулина «Русская Икарія» в «Современнике» (1912. № 12. С. 193—206) и отдельное издание этой последней в библиотеке «Огонька» (М., 1926), со вступительным очерком Ореста Цехновицера.

² В. Д. Комарова указала нам на сходство описания храма и священнодействия в нем, сделанного автором записки, с тем, как описывает масонский храм и службу в нем Жорж Санд в своем романе «La Comtesse de Rudolstadt», т. II, гл. XLI: «En ce moment les portes du temple s'ouvrirent, en rendant un son métallique, et les Invisibles entrèrent, deux à deux. La voix magique de l'harmonica, cet instrument récemment inventé, dont la vibration pénétrante était une merveille inconnue aux organes de Consuelo, se fit entendre dans les airs et sembla descendre de la coupole entr'ouverte aux rayons de la lune et aux brises vivifiantes de la nuit» и т. д. В письме своем к сыну, от июня 1843 г., во время работы над «La Comtesse de Rudolstadt», Ж. Санд писала, что она погружена в чтение масонских книг — «Kadosh», «Rose Croix», «Sublime Ecossois»... В примечании к слову harmonica она сообщила сведения об этом музыкальном инструменте и роли его в церемониях масонов-иллюминатов.

* * *

Вот что можно извлечь из бумаг «Зеленой лампы» по части личного состава ее членов и деятельности некоторых из них. Как видим, новые сведения значительно пополняют то, что мы знали ранее в этом отношении, а главное — пополняют на основании *подлинных документов*, не оставляющих более места сомнениям и предположениям.

Помимо того, бумаги дают и некоторые хронологические указания. Так, на стихотворениях Дельвига «Фанни» и «К мальчику» (л. 27) находим помету, показывающую, что 3-е заседание «Зеленой лампы» происходило 17 апреля 1819 г., — следовательно, начались ее собрания, вероятнее всего, в марте этого года или даже в начале апреля¹; есть затем указание (л. 48) на 13-е заседание; всех же собраний или заседаний, как можно судить по помете на обложке, в которую заключены бумаги, было не менее 22; даты «Репертуара», составленного Д. Н. Барковым, относят нас также к 20 апреля — 28 мая 1819 г.; к 27 мая 1819 г. относятся стихи Пушкина, записанные им у члена «Лампы» П. П. Каверина (см. их в книге Ю. Н. Щербачева «Приятель Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин», М., 1913, с. 16); к лету, осени и зиме этого же года приурочиваются известные послания Пушкина к членам «Лампы»: В. В. Энгельгардту, М. А. Щербинину, Ф. Ф. Юрьеву, Н. В. Всеволожскому, П. Б. Мансурову, Я. Н. Толстому... Есть указания, что собрания «Лампы» продолжались и после высылке Пушкина на юг, то есть после мая 1820 г., но имеющиеся в нашем распоряжении документы «Лампы» все писаны на бумаге с водяными знаками не позже 1818 г., так что можно предположить, что собрания окончились ранее 1820 г. или что до нас не дошло бумаг за более позднее время. Пушкин, уехав на юг, долго ничего не знал о судьбе «Лампы» и в письме своем к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. спрашивал:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,

¹ Кн. С. П. Трубецкой показывал, что «Зеленая лампа» «возымела начало» в 1818 г. и что собиралась она «кажется, раз в две недели». Я. Н. Толстой относил основание «Лампы» к 1818 или 1819 г. и сообщал, что она «рушилась» в 1819 или 1820 г. (*Щеголев П. Е.* «Зеленая лампа» // Пушкин и его современники. Вып. 8. С. 27; Памяти декабристов. Л., 1926. Вып. 2. С. 178 и след.).

В руках веселых остряков?
 Всё те же ль вы, друзья веселья,
 Друзья Киприды и стихов?
 Часы любви, часы похмелья
 По-прежнему ль летят на зов
 Свободы, лени и безделья?
 В изгнании скучном, каждый час
 Горя завистливым желаньем,
 Я к вам лечу воспоминаньем,
 Воображаю, вижу вас:
 Вот он, приют гостеприимной,
 Приют любви и вольных муз,
 Где с ними клятвою взаимной
 Скрепили вечный мы союз,
 Где дружбы знали мы блаженство,
 Где в колпаке за круглый стол
 Садилось милое равенство;
 Где своенравный произвол
 Менял бутылки, разговоры,
 Рассказы, песни шалуна, —
 И разгорались наши споры
 От искр и шуток и вина...
 Я слышу, верные поэты,
 Ваш очарованный язык...
 Налейте мне вина кометы,
 Желай мне здравия, Колмык!

Толстой, как известно, отвечал Пушкину, что «Лампа погасла, — не стало в ней масла»...

Любопытно отметить еще, на основании наших бумаг, что собрания кружка происходили под председательством разных членов: так, в 3-м собрании председательствовал упомянутый выше А. Д. Улыбышев, служивший тогда в Коллегии иностранных дел. Участие в кружке Ф. Н. Глинки¹ должно было связывать «Зеленую лампу» с С.-Петербургским Вольным обществом любителей российской словесности — ареною деятельности Бестужева, Сомова, Кюхельбекера и др., хотя ближайших следов этой связи мы в бумагах «Лампы» и не находим.

¹ Ему есть послание Я. Н. Толстого в сборнике «Мое праздное время, или Собрание некоторых стихотворений Якова Толстого» (СПб., 1821. С. 39—42).

* * *

Сделаем общие выводы по рассмотренным бумагам «Зеленой лампы». Всех *произведений* в нашем собрании — 41; из них: произведений *стихотворных* — 23 (Я. Н. Толстого — 9, бар. А. А. Дельвига — 3; Д. Н. Баркова — 2; кн. Д. И. Долгорукова — 2; А. А. Токарева — 2; Н. В. Всеволожского — 1; Ф. Н. Глинка — 1; неизвестных авторов — 3); статей, относящихся к *истории*, — 10 (Н. В. Всеволожского — 7; Я. Н. Толстого — 3); *театру* посвящено — 4 статьи (все Д. Н. Баркова); *политических* статей — 3 (А. Д. Улыбышева); к отделу *смеси* (перечень книг, составленный Трубецким) — 1.

По *авторам* степень участия выразится в следующих цифрах: Я. Н. Толстой — 13 № (9 стих. и 4 ист.), Н. В. Всеволожский — 8 № (7 ист. и 1 стих.), Д. Н. Барков — 6 № (4 театр. и 2 стих.), бар. А. А. Дельвиг — 3 № (стих.), А. А. Токарев — 2 № (стих.), кн. Д. И. Долгоруков — 2 № (стих.), Ф. Н. Глинка — 1 № (стих.), кн. С. П. Трубецкой — 1 № (смесь).

Неизвестным авторам принадлежат 3 № стихотворений, а 3 № политических статей принадлежат, по нашему убеждению, А. Д. Улыбышеву.

Не дошло до нас никаких следов активного участия в заседаниях «Лампы» следующих лиц (из числа 21): А. С. Пушкина (если не считать его посланий к отдельным членам «Лампы»), А. В. Всеволожского, М. А. Щербинина, Ф. Ф. Юрьева, П. П. Каверина, П. Б. Мансурова, А. И. Якубовича¹, В. В. Энгельгардта, Л. С. Пушкина², А. Г. Родзянко³, И. Е. Жадовского и Н. И. Гнедича, — то есть 12 человек.

* * *

Вновь найденные бумаги «Зеленой лампы» ценны, однако, не этими выводами, а тем, что состав их с наглядностью показывает, что главной целью организации были не преобладавшие в ней количественно литературные занятия. Кружок объединял в себе, глав-

¹ Его участие в «Зеленой лампе» вообще сомнительно: он 20 января 1818 г., за участие в дуэли Завадовского с Шереметевым, переведен был на службу в Нижегородский драгунский полк и уехал на Кавказ.

² Он родился 17 апреля 1805 г., и участие его, еще мальчика, в кружке Всеволожского представляется также весьма сомнительным.

³ Определенное указание на участие Родзянки в «Зеленой лампе» находим в «Воспоминаниях» А. И. Михайловского-Данилевского в «Русской старине» (1890. № 11. С. 505).

ным образом, военную молодежь¹, для которой упражнения в литературе могли быть лишь приятным времяпрепровождением; чтение произведений весьма посредственных сочинителей (не говорим, разумеется, о произведениях двух истинных поэтов — Пушкина и Дельвига, да еще, пожалуй, Гнедича и Глинки), то есть Я. Толстого, Долгорукова, Баркова, Токарева, Всеволожского, Родзянки, не могло представлять самодовлеющего интереса для передовых, образованных и с развитым литературным вкусом молодых людей, к тому же в большинстве военных: такое чтение было для них, в лучшем случае, по державинскому сравнению, лишь «как летом сладкий лимонад»; центр же тяжести собраний, несомненно, лежал в чтении и в обсуждении сообщений и записок вроде приписываемых нами А. Д. Улыбышеву, в обмене мнений, в критике современности, в спорах на политические темы и т. п.² Пушкинисты не могут, конечно, не подосадовать, что в найденных бумагах не оказалось новых данных об участии в «Зеленой лампе» Пушкина, — тем более что трудно, почти невозможно допустить, чтобы он бывал в собраниях кружка лишь немым участником и молчаливым наблюдателем выступлений других членов молодого и пылкого содружества: при своей живой и деятельной натуре и горячем темпераменте он, конечно, не ограничивался чтением в заседаниях «Лампы» своих ныне всем известных стихотворных посланий к некоторым сочленам; хочется думать, что он не отставал от наиболее деятельных и наиболее образованных, вдумчивых и передовых по умонастроению сотоварищей своих в пору создания оды «Вольность», «Деревни», политических эпиграмм... Но, повторяем, как ранее не располагали мы материалами для более точного суждения по этому вопросу, так и нынче не обогатились ими и должны ограничиваться лишь догадками и предположениями; но общий тон «Зеленой лампы» для нас значительно уяснился, как определилась и ее роль в деле создания и развития политических настроений ее участников.

1928

¹ Из 21 участника «Зеленой лампы» военными были 12: Толстой, Барков, Глинка, Трубецкой, Юрьев, Каверин, Мансуров, Якубович (если он был «лампистом»), Энгельгардт, Родзянко, Жадовский и Щербинин.

² А. И. Михайловский-Данилевский со слов А. Г. Родзянки сообщает, что в каждом собрании «Лампы» читали стихи против государя и против правительства» (Русская старина. 1890. № 11. С. 505).